Б11 2/30

811 2/30

ПАМЯТЬ О ЗАПОРОЖЬѢ

И

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. П. Надхина.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

—

1877.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

ПАМЯТЬ О ЗАПОРОЖЬѢ

И

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. П. Надхина.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1876 г., кн. 3-я.

Гос. Истор.-Науч. Б-ка НКП РСФСР
№ 302210
193 г.

ПАМЯТЬ О ЗАПОРОЖЬѢ

и

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

(По случаю истекшихъ нынѣ ста лѣтъ отъ паденія Запорожскаго Коша.)

I.

Запорожская Сѣча была уничтожена при Екатеринѣ II. Причиной ея уничтоженія представлено было то, что Запорожье сдѣлалось неумѣстнымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ, хотя еще и на канунѣ своего уничтоженія, въ Турецкую войну, которая кончилась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, Запорожскій Кошъ послужилъ и своей кровью, и головою не ко вреду, не безъ пользы для всего Русскаго Царства. Въ эту войну, не говоря о блистательныхъ сухопутныхъ дѣйствіяхъ Запорожья, уже одни партизанскіе подвиги Запорожскихъ Полковниковъ: Кулика, Рубана и Колпака, дѣйствовавшихъ на лодкахъ въ низовьяхъ Днѣпра и Ингульца, не допустили Турокъ и Татаръ ударить въ тылъ Русской арміи, и этимъ дали ей способъ, не развлекаясь, сосредоточенно громить Турокъ по Дунаю и за Дунаемъ. Заслуги Запорожцевъ признавались и цѣнились самимъ Правительствомъ: Запорожское войско не разъ получало и прямо отъ Государей, и именемъ Царскимъ, благодарность отъ Русскихъ Полководцевъ, отъ Миниха, Ласси, Князя Долгорукаго-Крымскаго, Румянцова, Панина, и награждалось знаменами, почетнымъ оружіемъ, деньгами; Сѣчевые Старшины (Калнышевскій, Павелъ Головатый, Глоба, Сидоръ Бѣлый, Андрей Порохня, Бурнашъ, Ногай Колпакъ, Стягайло и другіе) были награждаемы особыми именными медалями. Знаменитые Русскіе люди и иностранцы, Генералы: Панинъ, Бибиковъ, Стрекаловъ, Математикъ Эйлеръ, Американскій герой Поль Джонесъ и многіе другіе, даже сами разорители Сѣчи—Потемкинъ и Князь Прозоровскій, восхищались рыцарскимъ устройствомъ Запорожья, его героизмомъ, простыми, неизнѣженными нравами, и считали честью вступать, и вступали, въ его братство.

Потемкинъ, за три года до разоренія Сѣчи, принятъ былъ въ войско Запорожское, Низовое, въ его товарищество Кущевскаго куреня, и назвался сиромахою Грицькомъ Нечосою.

Если въ чемъ и былъ справедливъ приговоръ Запорожью на уничтоженье, такъ это въ томъ, что оно волей, неволей, подъ конецъ своего существованія, сдѣлалось тутъ дѣйствительно не у мѣста: въ то время Крымъ отдался уже намъ въ покровительство и подготовлялся постепенно къ полному присоединенію къ Россіи, послѣ чего его земли, изъ за земель Запорожья, могли быть черезполоснымъ владѣніемъ Имперіи. Такимъ образомъ, не касаясь даже исключительнаго устройства Сѣчи, не гармонирующаго съ общимъ составомъ Имперіи, не говоря о сглаженіи всякой отдѣльной разновидности и разнохарактерности, къ которому, въ своей сплоченности, стремится внутри себя каждое Государство, уже одна эта черезполосность дѣлалась немалымъ поводомъ къ уничтоженію Сѣчи въ ту пору всеобщаго политическаго стремленія къ округленіямъ и исправленіямъ границъ (такъ называемой аквизиціи), а главное, чтобъ открыть себѣ давно желанный, свободный независимый путь къ Черному Морю.

Крымцы теперь сдѣлались изъ враговъ друзьями. «Противъ кого же стоять здѣсь Запорожью?» говорили люди, замышлявшіе его уничтоженіе. «И чѣмъ теперь жить ему? Хлѣбъ оно стало сѣять чуть не со вчерашняго дня; къ осѣдлости не способно; жило всегда только грабежомъ сосѣдей.»

Одно изъ главныхъ обвиненій, выставлявшихся противъ Запорожцевъ, было обвиненіе въ неспособности къ гражданственности. Дѣйствительно, Запорожье, по самому складу и положенію своему, не могло имѣть обыкновеннаго государственнаго строя. Это былъ передовой военный постъ осѣдлости противъ кочевниковъ; это были Малороссійскіе Козаки, засѣвшіе на нижнемъ Днѣпрѣ, за порогами. Они отреклись отъ семьи, отъ человѣческаго жилья, отъ недвижимой собственности (до 1760 г.), отъ всѣхъ радостей земныхъ, жили по началу въ землянкахъ, въ болотахъ, подъ открытымъ небомъ, питались чѣмъ Богъ послалъ. Была поговорка: «Запорожцы, какъ дѣти: и мало дай—будутъ сыты, и много дай—все поѣдятъ;» довольствовались въ военное время самою суровою пищей—толокномъ, толчеными сухарями, часто заплесневѣлыми, съ зеленью, утѣшая себя повѣрьемъ, что отъ этого человѣкъ будетъ лучше плавать; горячаго варева не имѣли, по тому что, кроясь отъ враговъ, не разводили огня; самому оружію свое-

му, какъ ни любили его, не придавали щегольской внѣшней полировки, старались имѣть его темнымъ, тусклымъ, если можно вороненымъ, чтобъ глазъ врага не игралъ на немъ, чтобъ оно блескомъ своимъ не манило издали ни стрѣлы, ни пули непріятельской. Даже ржать конямъ не давали. Ихъ безпрестанно тревожилъ недремлющій непріятель, обмѣниваясь съ ними то пулей, то кинжаломъ, часто невидимый для нихъ, въ котораго они, въ свой чередъ, мѣтили иногда ужь не глазомъ, а только ухомъ и слухомъ, такъ какъ дѣло сплошь да рядомъ происходило въ трущобахъ исполинскихъ травъ и камышей, которыми поросли тогда пустыри Южной Россіи и которые представляли изъ себя безконечный, едва проходимый травяной лѣсъ. Ихъ жалили гады; ихъ мучили летучія насѣкомыя—мошки, слѣпни, комары, эти крылатыя шпильки тамошнихъ омутовъ. Въ пору цвѣтенія камышей, нападали на нихъ перемежающіяся лихорадки, ожесточенныя горячки; иногда врагъ заносилъ имъ и чуму. И вся эта жизнь, полная отреченія и мученія, была принята на себя добровольно Запорожцами, чтобы защищать свою родину, дорогую Украйну, чтобъ защищать и Великую Русь, и Польшу, и все Христіянство отъ Татарскихъ и Турецкихъ наѣздовъ, при которыхъ, кромѣ убійствъ, пожаровъ и грабежей, уводились еще плѣнниками цѣлыя сотни тысячъ Христіянъ.

По преданію Запорожцевъ, первое зарожденіе ихъ общины было на Семеновомъ Рогѣ, ниже Станиславова, при устьѣ Буга, гдѣ нѣсколько изъ нихъ поселилось съ незапамятныхъ временъ для рыбныхъ и звѣриныхъ охотъ; потомъ постепенно переносили они свой станъ, названный Сѣчью, или, какъ еще позже называли его, «Запорожскій Кошъ,» въ разныя мѣста вверхъ по Днѣпру, но до Днѣпровскихъ пороговъ, или не отдаляясь отъ него, на его притоки, между прочимъ на первую, уже исторически извѣстную, мѣстность, на островъ Хортицу (близъ г. Александровска—Сѣчь Князя Вишневецкаго), отсюда въ Томаковку (островъ Городище), изъ Томаковки въ Микитинъ Рогъ (г. Никополь—Сѣчь во время возстанія Богдана Хмельницкаго), потомъ въ Старую Сѣчь между р.р. Чертомлыкомъ и Павлюкомъ (Кошъ Атамана Сѣрка), наконецъ въ Новую Сѣчь на р. Подпольную (послѣднюю на Русской землѣ). Холостая община Запорожья пополнялась пришельцами со всего свѣта, открывалась всѣмъ бездомнымъ, и «стиглому и сбѣглому.» Сюда пробирался, дорогою сиротскою, издавна знакомою крестьянству, и Русскій помѣщичій людъ изъ Сѣверныхъ областей,

и Польскій хлопъ съ правобережья Днѣпра, для котораго стала «мандривочка ридна титочка;» бродячая жизнь сдѣлалась родной теткой еще съ XV вѣка, съ той поры, какъ Казимиръ Ягайловецъ уничтожилъ отдѣльное Кіевское Княжество и сталъ раздавать его вольные города, мѣстечки и села своимъ Воеводамъ, Каштелянамъ и Старостамъ. Въ Сѣчь бѣжали изъ мѣстечекъ и городовъ и угнетенные тяжелыми поборами съ нихъ мѣщане, и опальные Московскіе дворяне, и Польскіе разгульные шляхтичи, укрывавшіеся отъ преслѣдованія закона (въ родѣ Гетьмана Зборовскаго), и вообще люди, любившіе боевое ремесло. Въ военную школу Запорожья порой поступали и молодые магнаты Рѣчи Посполитой: одни изъ нихъ достигли тутъ Гетьманства, какъ Ланцкоронскій, Князь Вишневецкій (Дмитрій), Князь Ружинскій; другіе скрыли навсегда службу свою Запорожью подъ чужими именами. Въ Запорожье улепетывали провинившіеся, или скучавшіе наукой, Малороссійскіе школяры. Съ желаніемъ добыть чести защитника вѣры сюда бѣжали зачастую дѣти отъ родителей.

— Соколоньку сынку! говоритъ въ одной пѣснѣ мать, удерживая его: вернись до домоньку, змыю тобѣ головоньку, розчешу гребѣнцемъ.

— Соколихо мати! отвѣчаетъ сынъ: не вернуся, не зостанусь: мене, нене, змоють дожчи, а розчешуть густы терны, а высушуть буйны вѣтры.

Запорожье принимало въ свое братство даже изъ среды тѣхъ, противъ кого вооружалось—изъ Татаръ и Турокъ. Ему дѣла не было до происхожденія, до прежней жизни пришельца; оно только требовало принятія Греческой вѣры, послушанія батькамъ-атаманамъ, вѣрности братству и обязанности сражаться съ врагами Христіянства; во всемъ остальномъ былъ всякъ вольный Козакъ. * Изъ братства выбиралась вольными голосами старшина на годъ, съ разсрочкою, по усмотрѣнію избирателей и заслугѣ избираемаго, и на болѣе продолжительное время. По окончаніи выбора главнаго Кошеваго Атамана, было въ обычаѣ, въ фор-

---

* Козачество, по мнѣнію Н. И. Костомарова, Татарскаго происхожденія. Козакъ, по Татарски: бродяга, вольный воинъ, наѣздникъ. У Татаръ были свои Бѣлогородскіе, Перекопскіе, Азовскіе Козаки.

Но это просто гаданіе, предположеніе. Настоящее же значеніе слова Козакъ происхожденія историческаго, раскрывать которое здѣсь было бы слишкомъ долго, и по тому о немъ въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. О. Б.

мѣ желанія отъ него разумной и долголѣтней команды, причитывать при этомъ ему: «Дай тобѣ, Боже, лебединый вѣкъ и журавлиный крикъ!» и потомъ дѣлалась ему смазка головы землею, а если былъ дождь, то и грязью, знаменуя этимъ помазаніемъ его на кошевое атаманство полнѣйшую его зависимость отъ товарищества, чтобъ онъ не зазнавался. Какъ охранитель вѣры Христовой, рыцарскій военный Орденъ Запорожья считалъ своею покровительницей Божію Матерь: церковь въ Запорожской Сѣчи была по этому во имя Покрова Богородицы. Когда въ церкви происходило чтеніе Евангелія, все присутствующее рыцарство Сѣчи вынимало изъ ноженъ до половины свои сабли, представляя тѣмъ готовность защищать благовѣствуемыя въ немъ истины во всякое время. И вотъ это пестрое товарищество, сначала, въ самомъ ничтожномъ числѣ, имѣло дерзкую отвагу стать противъ многочисленныхъ и многомощныхъ враговъ, противъ Крымскаго Ханства, со многими его ордами, юртами и улусами, и противъ самой Турціи. Само собой разумѣется, что при такомъ неравенствѣ силъ и способовъ, при такой особаго рода жизни, оно должно было и борьбу вести особымъ образомъ: то наскакивая на врага, то вдругъ, при налетѣ безчисленныхъ и неудержимыхъ его полчищъ, собственными руками ломая и сожигая всѣ свои обзаведенія и поселки и мгновенно скрываясь. Иной осѣдлости, кромѣ землянокъ, Запорожье по этому не могло здѣсь имѣть: «Не строй свѣтлицѝ на границѣ!» была пословица въ Сѣчи. Дикое сосѣдство, какимъ были въ ту пору Крымцы, не давало Запорожцамъ возможности ни чѣмъ инымъ заняться здѣсь, какъ только рыбной да звѣриной ловлей. Впрочемъ, въ первое время ихъ жизни, при ихъ тогдашней малочисленности, великій лугъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, такъ называемый низъ, давалъ имъ множество звѣря, а такія рѣки, какъ Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ, съ ихъ лиманами, щедро дарили ихъ рыбой, доставляли средства одѣться, пріобрѣсть вооруженіе, какъ поетъ пѣсня:

Днѣпровый, Днѣстровый, обыдва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Но всякая пахать, всякій общежитейскій порядокъ, все то, что требуется отъ установившагося въ прочныхъ основахъ общества, если бъ оно и было здѣсь заведено, было бы истреблено первымъ Татарскимъ наѣздомъ.

Но когда, съ одной стороны, собственныя усилія Запорож-

цевъ, съ другой общія дѣйствія всего Русскаго Царства, отбили у Татаръ и Турокъ Черноморское лукоморье, тогда и въ Запорожьѣ явились признаки перерожденья, завелась недвижимая собственность. На Запорожскихъ земляхъ стали быстро развиваться начатки гражданственности: устойчивая осѣдлость, хлѣбопашество, скотоводство и т. п. Были уже и школы, имѣвшія полудуховный и полусвѣтскій характеръ: одна въ самой Сѣчи, остальныя въ Межигорскомъ и Самарскомъ монастыряхъ, а торговля Черноморская и на Русь и въ Польшу только и шла тогда черезъ Запорожье: это была въ ту пору единственная точка прикосновенія Русско Польскаго Сѣвера съ Чернымъ моремъ. Обыкновенно въ мирное время, въ послѣдній періодъ существованія Запорожскаго Коша, Турецкія суда, снабженныя ярлыками Сераскира Паши, изъ Очакова входили въ Днѣпръ, изъ него въ р. Подпольную, гдѣ была тогда Сѣчь, и являлись у самой Сѣчи, если позволяло половодье, съ разными бакалейными и другими товарами и винами. Кромѣ того, когда Русскимъ купцамъ самимъ хотѣлось побывать въ Крыму, то они могли попасть туда не иначе, какъ черезъ Запорожскія земли, и переправлялись черезъ ихъ перевозы. Было своего рода и письменное счетоводство подъ конецъ въ Кошѣ, и съ такимъ мѣткимъ починомъ, о какомъ подумали, въ формѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній, и на Западѣ Европы уже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ позже, именно: всему Запорожскому общинному хозяйству велась образцовая отчетность подъ названіемъ: «Секреты Запорожскаго войска.» Осѣдлости Запорожья послужили потомъ, когда вошли въ общія границы Государства, ядромъ къ образованію его городовъ. Губернскіе города и почти всѣ Уѣздные города Новороссійскаго края возникли на мѣстахъ, намѣченныхъ Запорожцами—изъ ихъ селъ, зимовниковъ и хуторовъ. А до какой степени быстро овладѣло здѣсь степью поле, т. е., пашня, можно заключить изъ слѣдующаго: не больше, какъ за двадцать лѣтъ до паденія Сѣчи, Кошевой Григорій Ѳедоровъ, по прозванію Лаптухъ (большой мѣшокъ), писалъ въ Петербургъ, что Запорожью кормиться нечѣмъ, что оно хлѣба не сѣетъ, а между тѣмъ при паденіи Сѣчи въ Запорожскихъ земляхъ, по рр. Самарѣ, по Волчей, по Орели, и въ другихъ мѣстахъ были уже безконечныя нивы рослыхъ хлѣбовъ многозернистыхъ колосомъ, тяжеловѣсныхъ зерномъ, какимъ можетъ дарить только черноземная новь; паслись безчисленные табуны породистыхъ лошадей и необозримыя стада рогатаго скота и овецъ. Еще въ

двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка бывшіе посполитые (поселяне) Запорожской Сѣчи, въ Чернечинѣ, въ Песчанкѣ, вспоминая о такой быстрой перемѣнѣ въ ихъ хозяйствѣ, говорили: «Якъ був Кошевымъ Лантухъ, ничого було класти въ лантухъ, а якъ ставъ Калнышъ, пошли и паляницй, и коржъ, и кнышъ.» Запорожское хлѣбопашество дало основу нынѣшней Новороссійской житницѣ, питающей Европу. Скотоводство Запорожья также было разсадникомъ настоящаго обширнаго отдѣла промышленности въ нашемъ южномъ краѣ. Теперешніе Черкасскіе быки, имѣющіе такую высокую цѣнность на столичныхъ рынкахъ, самымъ названіемъ своимъ показываютъ свое Запорожское происхожденіе, такъ какъ Запорожцы, подобно Днѣпровскимъ Козакамъ вообще, были тѣже Черкасы, какъ они назывались въ Русскихъ Государственныхъ актахъ. А что коневодство немалое уже было при Запорожьѣ, судить можно по тому, что однажды Кошевой Калнышъ продалъ разомъ до черныдцати тысячъ штукъ лошадей, а у Полковника Колпака увели Татары при набѣгѣ до семи тысячъ головъ.

Упрекали Запорожцевъ безсемейною жизнію; честили Запорожцевъ за безсемейность «составителями особливаго, страннаго и намѣреніямъ Творца въ размноженіи человѣчества противуборствующаго политическаго сонмища.» А между тѣмъ были въ восторгѣ отъ такихъ же холостыхъ обществъ въ разныхъ Западныхъ Рыцарствахъ, возводили ихъ въ идеалъ, покровительствовали имъ и прежде и послѣ Запорожья и осыпали золотомъ съ такою щедростью (на примѣръ, Мальтійскихъ Рыцарей, безъ всякихъ съ ихъ стороны заслугъ Россіи), о какой и не снилось Запорожцамъ въ самое счастливое время ихъ самопожертвованій и отличій на общую Русскую пользу и въ самую обильную пору изливаемыхъ на нихъ наградъ. Несправедливо было бы послѣ этого осуждать и наказывать то у себя, чѣмъ восхищались и что награждалось вчужѣ.

Что рыцарскій Орденъ Запорожья выплился въ холостую общину, положеніе его требовало этого. Не даромъ Кошевой Атаманъ Запорожья, Григорій Сагайдашный, какъ поется въ Сѣчевой пѣснѣ:

промѣнявъ жёнку
на тютюнъ да люльку.

Съ перемѣной жизни, сомнѣнья нѣтъ, и Запорожцы обзавелись бы женами, какъ это сдѣлали Яицкіе Казаки. Эти, какъ

разсказываетъ быль, * сперва хотя и имѣли женъ, но чуть выступали въ походъ, убивали ихъ и дѣтей отъ нихъ, до тѣхъ поръ, пока красота одной изъ нихъ—жены Атамана Гугни, не возбудила жалости и не обезоружила такого варварства: мужъ пощадилъ ее съ дѣтьми, а въ слѣдъ за тѣмъ и товарищи его сдѣлали то же со своими семьями, такъ что долго послѣ того поколѣнія Уральцевъ, происшедшихъ отъ этихъ Яицкихъ Казаковъ, пили благодарственныя здравицы въ память прекрасной Гугнихи, говоря: «Не была бы такъ хороша бабушка Гугниха, не было бы и насъ.» Въ Запорожьѣ, въ концѣ его существованія, былъ уже сдѣланъ починъ къ тому, въ лицѣ извѣстнаго Запорожца Антона Головатаго: онъ былъ женатъ, а обыкновенно, по закону Запорожскаго Коша, только холостыхъ опредѣляли въ Старшины Сѣчи, но Головатый и женатый былъ выбранъ въ Старшины.

Подъ вліяніемъ того, что распускалось въ свое время, какъ поводъ къ уничтоженію Запорожской Сѣчи, а также подъ впечатлѣніемъ разсказовъ нашихъ талантливыхъ художниковъ, которые большею частію изображали Запорожье съ комической, или фантастической, стороны, наконецъ, по преданіямъ, часто смѣшивающимъ Запорожскихъ необузданныхъ гультяевъ съ настоящими Сѣчевиками, у насъ составилось мнѣніе, что Запорожцы были только головорѣзы да пьяницы. Да, Запорожцы были отчаянные удальцы, но этого и требовало дѣло, въ которомъ видѣли они свой долгъ. Ремесло ихъ была война, и если въ наше человѣчное время, въ своихъ международныхъ сношеніяхъ мы не можемъ обойтись безъ argumenta baculina, безъ игольчатыхъ ружей, безъ Крупповскихъ пушекъ, то право войны съ ея жестокостями тѣмъ болѣе имѣло силы въ тотъ суровый вѣкъ. Въ этой школѣ выработались они въ желѣзныхъ людей, въ богатырей необычайной силы, неимовѣрнаго терпѣнія, сказочныхъ подвиговъ. Горсть ихъ подчасъ наводила грозу на Крымъ, на все Турецкое Государство, хотя оно было такъ могуче, что поглотило Византійскую Имперію и нѣкоторыя Славянскія Царства.

Военный обычай у нихъ велся такимъ родомъ: зная въ совершенствѣ дикую мѣстность, ими занимаемую, свою безпредѣльную степь, гдѣ, словно въ сухомъ морѣ, не было ни дороги, ни троны, ни слѣду, Запорожцы, при нападеніи безчисленныхъ Татарскихъ и

---

* Пушкинъ, Исторія Пугачева.

Ногайскихъ Ордъ, разбѣгались по тернамъ, по бурьянамъ, чагарникамъ, балкамъ, оврагамъ, водоронамъ въ разсыпную; путь правили днемъ по солнцу, по скрутнямъ громаднѣйшихъ травъ, да по мѣткамъ и нарубкамъ на кустахъ, или по стародавнимъ курганамъ, а ночью по звѣздамъ, по теченію рѣкъ да по вѣтру, который по тому, откуда и какъ вѣялъ, такое и названіе имѣлъ: былъ вѣтеръ Москаль, былъ Бессерменскій, Донской, Ляшскій вѣтеръ. Не то, имѣя скрытые челны, Сѣчевики расплывались въ плавныхъ камышахъ и болотахъ Днѣпровскаго побережья, или уходили ериками на Днѣпровскіе притоки на

рѣчки низовыи,
помощницѣ Днѣпровыи.

А ихъ всѣхъ, по словамъ Козачей думы:

съ устьтя Днѣпра та й до вершины
сѣмь сотъ рѣчокъ и чотырѣ.

Застигнутый въ трущобахъ травянаго лѣса своихъ пустырей въ одиночку, Запорожецъ, чтобъ обмануть чутье врага, чтобъ заставить его потерять концы поисковъ, сбить его со слѣду, размѣтить сметку его въ разныя стороны, невидимкой подыметъ лай лисицей, завоетъ волкомъ, закричитъ по туриному, зашипитъ по змѣиному, какъ это дѣлали лихіе предмѣстники Запорожья, Печенѣги и Половцы,—ихъ Змѣй Тугаринъ, ихъ Бонякъ Шелудивый, съ которыми бывало переговаривались крикомъ и зыкомъ, какъ братья родные, дикіе звѣри степные. Если, при преслѣдованіи Запорожцевъ вѣтеръ способствовалъ имъ, пускали вдругъ по вѣтру палъ въ степи, и ставили такимъ образомъ цѣлое море огня между непріятелемъ и собою, какъ дѣлалъ это Гетьманъ ихъ, Вежикъ Хмельницкій, какъ дѣлали это потомъ и Крымцы, научившись отъ Козаковъ. Когда открытая мѣстность обнаруживала малочисленность Запорожцевъ, а многочисленный врагъ напиралъ на нихъ, они сковывали свои дорожные возы цѣпями вмѣстѣ и, поднявши въ нихъ оглобли вверхъ, въ видѣ частокола копій, составляли изъ нихъ подвижной боевой таборъ на колесахъ и отступали этакъ шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь и отбиваясь и, оборонною рукой добравшись до родныхъ камышей, при неустойкѣ опять разбѣгались по своимъ трущобамъ. Но при малѣйшемъ вѣроятіи удачной борьбы, стоило только свиснуть—и вся эта только разбѣжавшаяся Козацкая удаль мгновенно сосредоточивалась въ лавы

(шеренги), въ тріангулы (острую колонну), либо въ батавы (каре)— и дѣйствовало. При осадѣ городовъ и крѣпостей употребляли они, катившіеся на колесахъ, гуляй-городки — осадныя машины, вооруженныя пушками и ружьями для нападенія, обложенныя корзинами съ землей для защиты отъ выстрѣловъ. Въ случаѣ нужды, Запорожецъ бывало змѣей подползетъ ко врагу, щукой-рыбой подплыветъ, налетитъ орломъ, срѣжетъ подошвы у супостата. Разъ Татары, ограбивъ Русь, возвращались домой: преслѣдовать ихъ было некому. Самарскій житель, Никита Лебеденко, съ четырмя Козаками бросился за ними. Высмотрѣвъ съ высокой могилы (съ кургана), что ихъ человѣкъ до трехъ сотъ собралось въ Холодной Балкѣ, онъ подкрался къ нимъ ночью и выкрадилъ четырехъ лошадей изъ самаго стана. Потомки Запорожцевъ, Черноморскіе пластуны, показали такую же удаль и въ наше время, въ Крыму, подъ Севастополемъ. Съ собственною своею заповѣдью: «Разъ родила мати, разъ и умирати,» или съ другою такою же: «Або добуть, або дома не буть», они бросались въ пламя боя и дѣлали чудеса. Днѣпръ-Славута научилъ Запорожцевъ владѣть весломъ, деменомъ (рулемъ) и стерномъ,* и тому, кто проплывалъ противъ теченія черезъ страшные Днѣпровскіе пороги, валъ Чернаго Моря былъ не горе, а подгоря. Турецкій Султанъ приказывалъ своимъ проворнымъ Османамъ хранить отъ нечестивыхъ гяуровъ Черное море, «яко нѣкую чистую и непорочную дѣвицу;» въ силу такого повелѣнія Падишаха, Царя Царей, Турки пугали всѣхъ Европейцевъ бѣдою Черноморскихъ волненій: «не даромъ дано ему имя чорное (говорилъ Копычи-Баша между прочимъ Московскому Послу, Украинцову); въ бурѣ Чернаго моря дѣлаются черными сердца человѣческія.» Въ добавокъ къ этому Турки всѣ ходы въ Черное море въ устьяхъ Днѣпра замыкали цѣпями, загораживали крѣпостями, обстрѣливали пушками. Запорожцы посмѣивались надъ этими застращиваніями, укрѣпленіями, оцѣпленіями и обстрѣливаніями: на канунѣ новолунія, въ темныя ночи, они рвали цѣпи, проходили крѣпости и подъ выстрѣлами все таки врѣзывались на своихъ утлыхъ чайкахъ въ Черное море, не глядя ни на какую хуртовину (бурю), неудержимо хозяйничали въ немъ по своему и знали всѣ его закоулки, какъ свою кишеню (карманъ).

Запорожцы, по народному повѣрью, были характерники

---

* Стерно, или опачина, или потесъ, у Бѣлоруссовъ трепло—большое весло у барки вмѣсто руля, который неудобенъ въ Днѣпровскихъ порогахъ.

(чародѣи). Стрѣла ихъ не стрѣляла, пуля не брала, сабля не рубила; они и не чувствовали никакихъ мукъ. И въ этомъ повѣрьѣ какъ будто была нѣкоторая правда, когда видѣли, какъ умиралъ иногда Запорожецъ, или какъ безпечно переносилъ всевозможныя страданія: жестокіе враги съ него съ живого кожу сдирали, а онъ говорилъ: «Отъ говорили, що больно, а воно мовъ комашки кусають.» Иной разъ попавши въ плѣнъ, осужденный на казнь, онъ просилъ себѣ какъ милости, чтобъ его не вѣшали, не рубили, а на «палю» (на столбъ съ желѣзнымъ коломъ) посадили, то есть, желалъ самой ужасной и продолжительнѣйшей смерти. «Оттакъ, говорилъ онъ, померъ и панотець мой, царство ему небесное! и покойный дѣдусь—упокой ёго, Господи!» Такъ и ему хотѣлось, по примѣру ихъ, умереть этою потомственною, столбовою смертію.

Мудрено ли, что, закалясь въ жестокостяхъ войны, не находя пріятности въ роскоши до такой степени, что добытыя безцѣнныя Турецкія шали, Англійскія дорогія сукна, Дамасскія матеріи и т. п., зачастую изъ молодечества и презрѣнія къ нимъ, топтались въ грязь, бросались въ деготь; но Запорожцы находили удовольствіе въ попойкахъ. Попойки эти, однако жъ, были въ пору бездѣйствія; Боже сохрани въ военное время—смерть!... Они и лѣчились настойками: голова болитъ—съ перцемъ горѣлки; гостецъ ломитъ (ревматизмъ)—съ перцемъ горѣлки; животъ болитъ—ченчибельной * да горшокъ на животъ—снять соняшницы; лихоманка трясетъ—тютюнковой, или полынной. Между тѣмъ среди этихъ беззавѣтныхъ гулякъ и первыхъ при удобномъ случаѣ женскихъ подлипалъ, были личности и высокой чистоты, которые свято хранили рыцарскій обѣтъ цѣломудрія, были по жизни совершенные дѣвственники, прилежные ко Святому Письму, къ церковному пѣнію и богослуженію; помогали бѣднымъ, дѣлали большіе вклады въ церкви и монастыри, строили на свой счетъ храмы Божіи, отзывались пособіемъ Святой Землѣ, Аѳонской Горѣ. Кошевой Атаманъ Калнышъ одинъ на свой счетъ построилъ четыре церкви (въ Лохвицѣ, Койдакѣ, Ромнѣ, Межигорскомъ монастырѣ), посылалъ приношенія ко Гробу Господню. Кошевой Филиппъ Ѳедоровъ умеръ въ Самарскомъ монастырѣ и, нѣтъ сомнѣнія, и онъ и другіе были также щедрыми дателями на церкви, но дѣлали

---

* Настойка на цѣлибухѣ.

это такъ, что лѣвая рука не вѣдала, что творила правая. Они этимъ не хвастались, по тому что объ руку съ такими характерами идетъ скромность. И Запорожцы такихъ людей цѣнили и уважали. Когда умиралъ ихъ товарищъ гуляка, ему въ гробъ ставили штофъ горѣлки, съ которою опускали его и въ могилу, а надъ могилою трезваго товарища выставляли бѣлый флагъ, эмблемму безукоризненной чистоты отжившаго витязя. Запорожцамъ ставили въ «продерзость», что они изъявили неудовольствіе на ограниченность денежныхъ имъ наградъ за послѣднюю Турецкую войну; но что жъ было дѣлать этимъ бѣднымъ головамъ, когда имъ нужны были для жизни хлѣбъ, для обмундировки, для военнаго гооруженія—деньги, а имъ дали похвальныя грамоты, булавы, знамена, медали, и если дано было хлѣбное и денежное жалованье, то въ самомъ недостаточномъ количествѣ. Между тѣмъ они изъ за выгодъ всей Россіи, находившейся уже въ покровительственныхъ отношеніяхъ къ Крыму и Польшѣ, должны были воздерживаться и военными дѣйствіями противъ этихъ сосѣдей, у которыхъ они обыкновенно, право, или неправо, но добывали обезпеченіе своего существованія—военной добычей. Козакамъ Сѣчи вмѣняли въ преступленіе, что они, не смотря на запрещеніе, сами судили и казнили своихъ преступниковъ; но это было одно изъ ихъ правъ, съ которымъ они приняли подданство Россіи.

Запорожцевъ обвиняли еще въ буйствахъ, грабежахъ и разбояхъ. Буйства и грабежи ихъ, если отнести такое обвиненіе къ цѣлой общинѣ, заключались въ томъ, что они прогоняли со своихъ земель сосѣдей пришельцовъ, которые самовольно ими овладѣли и пользовались. Въ грамотѣ Польскаго Короля Баторія (20 Августа, 1576 г.), когда Запорожцы со всей Малороссіей жили братски за одно съ Польшей, какъ «вольные съ вольными, равные съ равными», обозначены дарованныя Запорожью и самимъ Баторіемъ, и его предшественниками земли отъ Буга черезъ Днѣпръ до Дона и въ гору по Бугу до Синюхи, и по Днѣпру до Орели, а внизу до степей Очаковскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ; это подтверждено послѣ и Россійскими Государями, когда Малороссія, а съ ней и Запорожье, по религіознымъ притѣсненіямъ Польши, перешли съ Гетманомъ Хмельницкимъ (съ 1654 г.) къ Россіи. При такомъ владѣніи и правахъ на здѣшнюю землю, если Донцы-сосѣди пользовались рыбными ловлями на этихъ Запорожскихъ земляхъ, если Изюмскіе слобожане запахивали Запорожскія пустоши подъ свой посѣвъ, если Сербы-гусары, Елисаветинская провинція,

или другіе поселенцы, сидящіе гарнизономъ въ разныхъ Русскихъ ближайшихъ крѣпостцахъ, щечились ихъ покосами и т. п., то не мудрено, что Сѣчевики сгоняли ихъ съ не принадлежащихъ мѣстъ и отбирали у нихъ пріобрѣтенный такимъ образомъ хлѣбъ, сѣно, рыбу. При этомъ само собою доходило при сопротивленіи и до расправы вооруженной рукой. Разъ хуторянамъ Слободскихъ полковъ понравились сосѣднія земли Запорожскаго Коша они, не долго думая, ихъ и заняли, и обзавелись тутъ постройками, хозяйствомъ, пасѣками, баштанами, пахатью, знать не желая настоящихъ хозяевъ.—«Эй, сказалъ Кошевой, узнавши объ этомъ, Самарскому Полковнику Деркачу (Деркачъ, по Малороссійски, голикъ, старый вѣникъ), вымети лишь сю незваную погань!» и Деркачъ дѣйствительно вымелъ, такъ что праха не осталось отъ хозяйства здѣсь нахальныхъ гостей. Такія же столкновенія и по такимъ же случаямъ бывали и съ форпостными армейскими командами. То же, вѣроятно произошло и съ тѣмъ Офицеромъ и командой, которые явились отмежевывать Зпорожскія земли для поселенія Молдавскаго гусарскаго полка. Если при томъ Офицеръ этотъ на вопросы Запорожцевъ: «На какихъ основаніяхъ онъ это дѣлаетъ?» далъ имъ такой отвѣтъ, какой далъ нѣкогда Бригадиръ Муравьевъ, который, когда, при подобномъ самоуправствѣ, Старшины Сѣчи спросили его: «Покажи намъ указъ!»—отвѣчалъ: «Я самъ вамъ указъ (а такой высокомѣрный тонъ съ Козаками армейскіе чины принимали тогда зачастую), то не мудрено, что этого Офицера и задержали и командѣ его пришлось плохо. Эти земли у Сѣчевиковъ все таки и тогда же почти взяли, а между тѣмъ исторію эту также поставили однимъ изъ предлоговъ уничтоженія Сѣчи. Изъ подобнаго же источника происходили иногда въ послѣднее время существованія Запорожья и наѣзды ихъ на Татаръ и на замки Польскихъ вельможъ, хотя общій миръ съ этими Государствами и существовалъ, это были частныя отместки другъ другу: Татары небольшими партіями наскакивали на Запорожскіе хутора; Польскія надворныя панскія хоругви, за какое ни будь единичное воровство, грабили Запорожскіе поселки,—и Запорожцы отвѣчали тѣмъ же. Но все это можно назвать, ни больше, ни меньше, какъ порубежными спорами, существующими и нынѣ и въ благоустроенныхъ Государствахъ между пограничными жителями по поводу всевозможныхъ контрабандъ, земельныхъ захватовъ и проч. Что же касается до настоящихъ разбоевъ, въ которыхъ обвиняли все Запорожское рыцарство поголовно, а также до того обвиненія, что они

служили вожаками Татарамъ и Туркамъ, въ ихъ набѣгахъ на Русь, то это совершенная клевета; это если и случалось, было дѣломъ отдѣльныхъ лицъ. Такіе отдѣльные гультяи, сучаки, харцызы, самовольно тѣшились и надъ Евреями. Но не забудемъ, что разбойничество было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ въ ту пору. Не было оно диковиной и въ другихъ областяхъ Русскаго Царства: тогда разбойничали на Волгѣ Заметаевъ, Кулага; на переволокѣ между Волгою и Дономъ—Брагинъ, Зубакинъ; то же было на южной границѣ Курской Губерніи; въ Муромскихъ лѣсахъ зло це переводилось; между Коломною и Рязанью, по Окѣ, въ Зарайскомъ Уѣздѣ, наводилъ ужасъ злодѣйствами Веревкинъ; въ Орлѣ разбойничали Давыдовъ, сирота Зернинъ, пускавшій красныхъ пѣтуховъ; о нѣкоторыхъ городахъ Орловской Губерніи сложились и поговорки: «Елецъ—всѣмъ ворамъ отецъ, Ливны—всѣмъ ворамъ дивны» и т. п. Нѣкоторые постоялые дворы имѣли дурную славу разбойничьихъ притоновъ. Въ Южной Россіи и теперь разсказываютъ о какомъ-то Малороссѣ-крамарѣ. Поѣхалъ, де, онъ со своими товарами въ Великую Русь, и попалъ въ одну такую западню на ночлегъ. Извѣстно, что постоялые дворы во глубинѣ Россіи нерѣдко и нынѣ строятся съ крытымъ дворомъ, въ видѣ огромнаго сарая, такъ что попавшій въ такой дворъ находится въ немъ какъ поглощенный во чревѣ китовѣ; одинъ только выходъ — это ворота, но они немедленно за нимъ по въѣздѣ запираются, и тогда ему нѣтъ ни шагу со двора, если этого хозяинъ не желаетъ. Крамарь, по нѣкоторымъ темнымъ примѣтамъ, сталъ подозрѣвать, что онъ не въ благополучномъ мѣстѣ: онъ легъ и притворился спящимъ. Черезъ нѣсколько времени вошелъ въ избу хозяинъ и началъ точить ножъ. Скоро потомъ вбѣжалъ мальчишка лѣтъ пяти: онъ, дергая отца за рукавъ, просилъ: «Тятька, а тятька! зарѣжь Хохла: люблю, какъ хохолъ трепещется!» Ребенокъ, какъ видно, не однимъ ужь Хохломъ любовался въ такомъ видѣ. Хозяинъ, вѣроятно, находя, что еще не пора, въ полголоса пригрозилъ мальчишкѣ: «Поди прочь, чертенокъ!» Ребенокъ со слезами убѣжалъ изъ избы. Вдругъ входитъ въ избу сама мать, держа мальчишку за руку: «Что ты, старый песъ (кричитъ она хозяину), обижаешь ребенка: зарѣшь Хохла, потѣшь дитя!»—«Уйдите къ лѣшему!» отвѣчаетъ онъ сердито, сквозь зубы, указывая глазами на крамаря: «Попъ не успѣлъ обѣдни отпѣть, а вы хотите и шапку надѣть.» Хозяйка поняла, что еще рано, и увела ребенка изъ избы. Крамарь лежалъ ни живъ, не мертвъ. Сталъ онъ, однако жь, думать, какъ бы спастись. Спустя немного

какъ ушла хозяйка, сдѣлавъ видъ, что проснулся: «Уфъ, какъ я крѣпко спалъ,» сказалъ онъ, вставая на ноги; «совсѣмъ забылъ про лошадокъ, пойти поглядѣть, не сбили ли корму.» И подъ этимъ предлогомъ вышелъ изъ избы. Тутъ онъ бросился по двору во всѣ углы, сталъ искать выхода, и не находилъ нигдѣ ни щели. Тогда онъ взялъ возжи, забросилъ ихъ за одну изъ балокъ и добрался на возжахъ до крыши. Крыша была соломенная. Съ усиліями, какія могли только родиться при страхѣ смерти, онъ прорвалъ солому, и этимъ путемъ бѣжалъ изъ разбойничьяго вертепа, бросивъ и лошалей и всѣ свои товары... Замѣчательно, что Русскіе гайдамаки: харцызы, лугари, сучаки, затяжцы, гультяи, самосбройцы, умножились особенно по разореніи Сѣчи. Много недовольныхъ Запорожцевъ выселилось въ Турцію, оставшіеся же въ Россіи покорились своей участи, сдѣлались мирными гражданами, хлѣборобами, скотоводами, чабанами, рыболовами, пасѣчниками, держали шинки, торговали, занялись каботажнымъ судоходствомъ, принялись за ремесла, кто во что гораздъ, а иные, довѣрчивые, поселившись на земляхъ новыхъ помѣщиковъ, попали потомъ и въ крѣпостничество. Нѣкоторые Старшины получили армейскіе чины, другіе вступили въ гражданскую службу. Но была Запорожская голота, которая ничѣмъ не хотѣла, или не умѣла, заняться, и вотъ она-то, предавшись лѣни, пропою и неудовольствію на Правительство, и начала пошаливать.

Въ Новороссійскомъ краѣ, въ особенности на земляхъ Запорожской Сѣчи, населеніе было и есть Малороссійское. Въ первые годы по паденіи Сѣчи разные колонисты, если не считать Сербовъ, составляли почти незамѣтную его долю. Малороссы, преимущественно жители Польской Украйны и сосѣди «Пивтавцй,» еще при Запорожьѣ подвигались въ степь разными хуторами и выселками, что также отнесено къ винѣ Запорожцевъ. «Они, де, переманиваютъ къ себѣ посполитыхъ (крестьянъ) изъ Гетьманщины. Они, де, задумываютъ обособиться, отдѣлиться совсѣмъ отъ Россіи.» Все это населеніе Новороссіи, не смотря на то, что оно вставлено было въ новыя правительственныя рамки—въ границы выкроенныхъ изъ Сѣчевыхъ земель Губерній, сочувствовало Запорожцамъ, думая, какъ и они, что земли Сѣчи обобраны не по праву. Когда явились гайдамаки и говорили: «Мы обижены», жители понимали эту обиду, и принимали бродягъ. Новороссійскій посѣлянинъ самъ кормилъ, поилъ ихъ, давалъ имъ излишекъ и заботился

только о томъ, какъ бы ни будь не попасть въ бѣду за укрывательство.

Ѣхала ли валка (обозъ) чумаковъ въ Крымъ за солью, или на Донъ «по рыбу,» гайдамакъ ставилъ копье среди дороги и требовалъ окупа, и окупное: хлѣбомъ, пшеномъ, саломъ, приносилось къ ратищу, хотя чумаки сами Козаки и сами имѣли въ возахъ копья: двадцать ихъ, такихъ дюжихъ молодцовъ, сто разъ по косточкамъ, если бъ хотѣли, разметали бы бродягу.

Даже туземное мелкое начальство, когда возникли уже здѣсь Губерніи, состоявшее все почти изъ Малороссовъ, которые прежде всѣхъ, какъ сосѣди, нахлынули сюда на службу по вызову и безъ вызова, и оно смотрѣло на гайдамаковъ сквозь пальцы и иногда парализовало самую кару, которая ихъ постигала. Старики помнили такой случай: разбойника приговорили къ кнуту на мѣстѣ преступленія; при всемъ участіи къ нему мѣстнаго начальства, не исполнить указа высшей власти не было возможности; но вдругъ прошли слухи, что преступникъ, де, великій характерникъ (знахарь, колдунъ), а въ народѣ есть повѣрье, что колдуны тогда только чувствуютъ наказаніе, когда ихъ сѣкутъ не по тѣлу, а по тѣни... Ну, и стегали его по тѣни, и должно быть дѣйствительно ему было больно: онъ кричалъ немилосердно. Что харцызы сильны были не столько сами по себѣ, сколько пособіемъ того населенія, въ кругу котораго они дѣйствовали, что народъ имъ мирволилъ, предостерегалъ ихъ и даже укрывалъ, это доказывается разбоями извѣстнаго Горкуши. Вся чудесность его дѣлъ блѣднѣетъ, если узнаешь правительственое о немъ дѣло: это былъ сильный, до дерзости смѣлый разбойникъ, ловкій наѣздникъ, находчивая голова, но дѣйствія его были далеко не такъ романичны, какъ шла о нихъ молва; его и сообщниковъ его прятали въ пущахъ, въ зимовникахъ за Самарью, у разныхъ крамарей, шинкарей; онъ былъ въ связяхъ съ Запорожскимъ Полковникомъ Забіякой, Капитаномъ Пискачомъ, Есауломъ Сербиномъ. Гайдамаки скрывались въ вотчинѣ Шамшева, который былъ «панъ обстоятельный, людямъ былъ радъ и ихъ не выдавалъ.» Такихъ «обстоятельныхъ пановъ,» которые «людямъ были рады и ихъ не выдавали,» жило много въ Новороссійскомъ краѣ: они составили себѣ порядочныя вотчины, населивъ ихъ Иванами непомнящими и Домнами бездомными.

Нѣкоторые гайдамацкіе нравы еще въ первыхъ годахъ ны-

нѣшняго столѣтія пародировались въ Новороссійскомъ краѣ даже между мелкимъ чиновнымъ людомъ. Въ Екатеринославѣ существуетъ и нынѣ наплавной мостъ черезъ Днѣпръ. Были тамъ чиновники, которые наслѣдовали отъ Сѣчевиковъ не только мѣстность, гдѣ тѣ жили, но и ихъ беззавѣтное пьянство. Ихъ долго терпѣли, наконецъ исключали изъ службы. Вотъ они бывало на Днѣпровскомъ мосту и разлягутся поперекъ. Ѣдетъ ли конный, телѣга ли, кто ни будь въ экипажѣ: «Давай дань, а не то переѣзжай черезъ насъ!» Ну, смѣясь и шутя, давали и платили. Тамошнее правленіе снисходительно относилось къ этимъ шалостямъ, по тому что это все были товарищи и, можетъ статься, лучшіе товарищи, но которыхъ погубило то зло, отъ котораго такъ много погибаетъ хорошихъ людей во всѣхъ концахъ нашей доброй Руси.

II.

Когда «Вельможный Кошъ,» какъ величалъ еще себя Запорожскій рыцарскій Орденъ, узналъ, что готовится Княземъ Потемкинымъ что-то грозное противъ нихъ «въ Петенбурси,» то послалъ туда довѣренныхъ людей развѣдать: что такое? Повезли туда нужнымъ лицамъ презентовъ-гостинцовъ: Турецкихъ и Персидскихъ шалей, ковровъ, Дамасскихъ матерій, вина, плодовъ, мѣховъ, вязиги, бочки лимоннаго соку и т. п., повезли Малороссійской свинины въ разныхъ видахъ, колбасъ, сала, и многое другое, балыковъ, шамаи, рыбця, знаменитой зимней свѣжепросольной Днѣпровской щуки, повели выносливыхъ Украинскихъ коней въ Черкесскихъ сѣдлахъ, дорогихъ чепракахъ, захватили съ собою немного и Турецкихъ червонцевъ.... Но дѣло сначала велось въ такой тайнѣ, что Петербургскіе милостивцы и сами ничего хорошо не знали, а одинъ найсильнѣйшій и найвельможнѣйшій изъ нихъ, свой же Полтавецъ, или Черниговецъ, хотя и могъ, но, какъ и слѣдуетъ «щирому Малороссу,» въ бѣдѣ ни въ чемъ не помогъ. Такова ужь натура нашего брата, Украинца: «Покы козакуе, такъ и объ неправдѣ Ляхôвъ товкуе, а якъ самъ въ паны попавъ, не меньше Ляха и самъ Козака дравъ, и нôсъ передъ нимъ пôднимавъ.»

Озадаченные посланцы о пребываніи своемъ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ доносили, между прочимъ, въ Запорожье: «Тутъ умѣють брать и червонцû, но всѣ намъ говорять: «Ничого не знаемъ, ничого не можемъ.» Всѣ сидять въ Потемкахъ. Орламъ приборканы крыльля; Панинъ у великои пани не въ вели-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ .....
„.....“ ..... 193 г.

кôй милости; Зубъ ѣще маленькій—не выросъ. * А нашъ Безбородько, даромъ що безъ бороды, на Московскôмъ смальцѣ (гусиномъ жирѣ) выкохавъ собѣ пречудесный хвôстъ и вертить сюды крестомъ, туды хвостомъ, мовъ добрая лисиця, такъ що не пôймаешь ёго ни зъ якою собакой. Були мы на смотринахъ и у Царского бѣльма. ** Те жь и Царское бѣльмо глядить на насъ въ потемкахъ. Ведуть къ тому, слухъ иде, щобъ наши палестины роздѣлить промёжь Петенбурскими вельможными панами, якъ по Писанію: «Роздѣлиша ризы и меташа жребій!»

Князь Вяземскій, по должности Генералъ-Прокурора, имѣлъ значеніе Царскаго ока: такъ опредѣлилъ эту должность, при ея учрежденіи, самъ Петръ I. «Вотъ мое око!» сказалъ онъ, представляя Сенату перваго Генералъ-Прокурора, Ягушинскаго. Политическіе противники Вяземскаго, за то, что онъ представлялъ Государынѣ дѣла, по ихъ мнѣнію, не въ настоящемъ свѣтѣ, прозвали его не окомъ, а Царскимъ бѣльмомъ... *** Запорожскій Кошъ поручилъ своимъ посланцамъ явиться къ Вяземскому съ просьбой о помощи, но онъ дѣйствовалъ въ видахъ Потемкина, за что, при раздачѣ Запорожскихъ земель, получилъ изъ нихъ на свой пай сто тысячъ десятинъ. Нѣкоторымъ Запорожцамъ, говорятъ, удалось проникнуть въ Царскосельскій дворецъ. Это было еще до той депутаціи, во главѣ которой были Логинъ Мощенскій, Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый; тогда Запорожцы за жалованьемъ часто ѣздили въ столицу. Вѣроятно, тогда еще дѣло не созрѣло, чтобы высказать его вполнѣ: Императрица ихъ не приняла и, предубѣжденная противъ Запорожья, передала имъ свое неудовольствіе. Впрочемъ, не относя гнѣва своего за вину всей общины къ отдѣльнымъ лицамъ, она приказала пріѣзжихъ Старшинъ угостить Царскою хлѣбомъ-солью. По этому имъ приготовленъ былъ столъ во дворцѣ. Но ужь придворные знали немилость Государыни къ Запорожью, и преслѣдовали Запорожцевъ насмѣшками. Смѣялись

---

* О зубовѣ — анахронизмъ: Запорожцы не могли къ нему обращаться; онъ былъ во время уничтоженія Сѣчи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ; но когда онъ попалъ въ случай, его именемъ дѣйствительно играли и Потемкинъ и общество этого времени.

** Намекъ на Князя Вяземскаго.

*** Русская Старина 1872, Майская книжка, стр. 767; но и прежде печаталось объ этомъ нѣсколько разъ.

надъ ихъ языкомъ, надъ ихъ обычаемъ носить оселедецъ на стриженой головѣ, въ родѣ того длиннаго клока волосъ, какой, по сказанію Византійскихъ историковъ, носилъ и Великій Князь нашъ, Святославъ I; издѣвались надъ своеобразностью ихъ платья съ откидными назадъ рукавами, образчикъ котораго частію сохранился доселѣ у придворныхъ пѣвчихъ.

И вотъ, говоритъ преданіе:

Когда посадили ихъ за столъ, подали имъ огромныя ложки съ ручками въ аршинъ длины, заранѣе торжествуя: какъ то эти Хохлы будутъ ухищряться носить ими себѣ супъ ко рту.

— Эге, панове! говорили Запорожцы межь собой, показывая на ручку: держально чи мале! А ну, панебрате, ты мене, а я тебе: агу, маленькій! сказали они сосѣдъ сосѣду за столомъ. И продолжая насмѣшку сами надъ собой, чѣмъ самая насмѣшка обезсиливалась, стали кормить другъ друга, какъ кормятъ матери иногда своихъ ребятъ.

— И гдѣ этотъ глупый народъ родится? спросилъ кто-то по Французски, думая, что депутаты не поймутъ.

— Гдѣ? Разумѣется, въ ихъ тамъ дикой Хохландіи, былъ отвѣтъ другого придворнаго.

Пародируя этотъ разговоръ межь собой, одинъ Запорожецъ сказалъ, какъ бы съ удивленіемъ, продолжая ѣсть похлебку:

— Ай, ай, ай! скôлько панôвъ!

Другой замѣтилъ:

— Да все якіи великіи да розумныи!

— И где ся паны родятся? спрашивалъ первый.

— Родятся въ Петенбурси та въ Москви.

— А где жь воны умираютъ?

— Въ Сиберіи та въ Камчатци.

Насмѣшники прикусили языкъ и не посмѣли нападать больше на умирающихъ львовъ.

Уничтоженіе Сѣчи, какъ извѣстно, было дѣломъ Князя Потемкина: онъ поручилъ его исполнить Генералу Петру Абрамовичу Текелію, родомъ Сербу; по этому говорили: «Два раза Петръ уничтожавъ Сѣчь.» Въ первый разъ Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, уничтожена при Петрѣ I, за принятіе Запорожцами стороны Мазепы и за переходъ ихъ къ Карлу XII. Русскіе полки въ нынѣшній разъ стянулись тайно со всѣхъ сторонъ и стали передъ Сѣчью; они сосредоточивались около этихъ мѣстъ съ самаго наступленія 1775 года, подъ видомъ кордонной службы обереганья

границъ, временныхъ стоянокъ, дневокъ, а до того еще въ главныхъ паланочныхъ серединахъ Запорожья расположены были, также подъ разными предлогами, Русскія войска; такъ, между прочимъ, въ Новоселицѣ жилъ командиръ второго Московскаго полка. Запорожцы такъ были безпечны и довѣрчивы съ Русской стороны (они только чутко оберегались со стороны Крыма), что ихъ артиллеристовъ войска Текелія взяли сонными со всѣми пушками и снарядами. Запорожье закипѣло, заволновалось, требовало отъ своихъ вождей битвы. Объ одномъ изъ богатырей Запорожскихъ, знаменитомъ Васюринскомъ, пѣсня поетъ:

Васюринскій, козачина, все нье да гуляе,
Отамана кошового батькомъ называе:
«Позволь, батьку, Отамане, намъ на башту стати,
Назадъ гостей сихъ незваныхъ саблею прогнати!
Не позволишъ стати съ саблей, позволь съ кулаками —
Нехай пойде слава наша помежъ Козаками!»

Къ счастью, Текелій, какъ остались о немъ слухи и показывало дѣло, былъ небольшой храбрецъ: онъ, говорятъ, трусилъ «Запорожниковъ,» какъ называлъ онъ ихъ по своему Сербскому словопостроенью. Онъ оставался въ обложеніи: это дало время простыть жару и задору въ осажденныхъ. Намѣстникъ Сѣчевыхъ церквей, Архимандритъ отецъ Владиміръ Сокальскій, напомнилъ «Товариству» о единовѣріи съ Русью; Кошевой—о единокровіи и единодержавіи; сами они наконецъ розмірковали (міромъ обсудили), какъ ни горько имъ было, что не приходится имъ руку поднимать на силу Бѣлой Царицы.

Не будь этого, произошла бы ужасная рѣзня. Недовольнымъ оставалось одно—уйти внизъ по Днѣпру. Тяжело имъ было покидать Днѣпръ-Славуту, своего Козацкаго батька. Много лѣтъ назадъ, въ жизни Запорожья былъ такой замѣчательный случай: разъ упрямые чубы разсердились за что-то на своихъ Старшинъ и грозились оставить Сѣчь. Силой остановить ихъ не было возможности; урезонить ихъ, когда они въ горячкѣ, разумнымъ доводомъ и подавно. Тогда Кошевой Томиленко обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «И вы, паны молодцй оставите Сѣчь? И вы, братья, бросите Днѣпръ? Да есть ли другій якій Днѣпръ? Да вы, якъ рыба безъ воды, не можете бути и безъ Днѣпра; да й где найдете вы новую такую славную рѣку, щобъ вамъ такъ служила, щобъ васъ такъ кохала? Да вы знаете, хлопцй, що

трицѣ желаніе путешествовать туда. Въ этомъ путешествіи устроены были встрѣчи Государыни съ Римскимъ Императоромъ, съ Польскимъ Королемъ; для этого путешествія сосредоточено было на Югѣ много войскъ для парадовъ. При проѣздѣ Императрицы, освѣщая ей путь, дремучіе лѣса горѣли многоверстными пожарами; цѣлыя горы, одѣтыя въ ракеты, подымались къ небу. Въ Херсонѣ, во Дворцѣ, сдѣлана была Потемкинымъ знаменитая надпись: «Здѣсь путь въ Византію.» Все это было такъ открыто и громко, такъ блистательно, что не могло не броситься всѣмъ сосѣдямъ въ глаза. Государыню окружали во время этой поѣздки иностранные Послы, которые подмѣчали каждый ея шагъ. При такомъ ходѣ дѣла, все это немедленно узнала вся Европа, узнала, конечно, это и Турція. Справедливо встревоженная этимъ путешествіемъ, этимъ свиданіемъ Государей, представлявшимся ей въ видѣ заговора противъ ея безопасности, этими многочисленными арміями на рубежѣ ея владѣній, Турція сама объявила намъ войну. Потемкину, само собой, того и надо было. Въ этой войнѣ онъ скоро сдѣлался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Но не отнимая отъ него административныхъ и дипломатическихъ способностей, надо сказать правду: военный талантъ его былъ не высокаго рода, по крайней мѣрѣ для той роли, которую онъ взялъ на себя, для роли Главнокомандующаго. Въ добавокъ, по мелочной завистливости, онъ исключилъ отъ принятія въ свою армію нѣкоторыхъ молодыхъ Генераловъ съ самостоятельными наклонностями, которыхъ талантливость была ему не по нутру, и остался большею частью при однихъ нѣмыхъ посредственностяхъ. Такъ онъ, между прочимъ, въ поданный Императрицѣ списокъ тѣхъ высшихъ военныхъ лицъ, которыхъ онъ намѣревался призвать въ дѣйствующую армію, не включилъ Суворова, не включилъ Каменскаго (Михайла Ѳедотыча, въ послѣдствіи Фельдмаршала). Оба честолюбивые, оба жадные къ военнымъ отличіямъ, оба прославившіеся въ предшествовавшую войну, они, во что бы то ни стало, добивались попасть въ эту кампанію. Суворовъ наконецъ, съ свойственною ему оригинальностью, вывелъ Потемкина передъ Императрицей на чистую воду, заявляя, что онъ «прописной.» Удивленная Государыня спросила Потемкина: «По чему въ самомъ дѣлѣ Суворовъ не вписанъ въ списокъ?» «Взять его!».. Потемкинъ, съ изворотливостью ловкаго придворнаго, отвѣчалъ: «Я и самъ хотѣлъ просить Ваше Величество о назначеніи ко мнѣ Суворова, намѣревался только доложить о немъ особо.» Такимъ образомъ Суворовъ по-

палъ въ дѣйствующія войска, но Каменскій не былъ такъ счастливъ. Обойденный въ Петербургѣ, онъ попытался доискиваться счастія на мѣстѣ, испросилъ разрѣшеніе Императрицы ѣхать въ армію для свиданія съ сыномъ, и явился къ Потемкину въ Яссы. Здѣсь онъ просилъ Князя, какъ Главнокомандующаго, дозволить ему осмотрѣть Московскій полкъ, котораго Каменскій былъ шефомъ. Каменскій питалъ при этомъ надежду остаться какъ ни будь при полкѣ. Потемкинъ разрѣшилъ, но удержалъ его у себя на одинъ день, и въ то же самое время послалъ фельдьегерей съ приказаніемъ—сформировать сей часъ же большой Екатеринославскій полкъ и въ составъ его ввести и Московскій полкъ. Каменскій пріѣзжаетъ въ лагерь, подъ Рябую Могилу, ищетъ своего полка, и окончательно его не находитъ. *

Удаливъ отъ дѣла и совѣта въ этой кампаніи нѣкоторыхъ лучшихъ дѣйствователей, а другихъ подавивъ своею неограниченною властью, Потемкинъ велъ войну вяло. Желаніе блистать, въ особенности передъ Западной Европой, своимъ великодушіемъ и мягкостью отношеній даже и къ врагамъ, было причиной, что эта война шла у Потемкина медленно, убыточно и съ громадными потерями, безъ боя, безъ сраженій, въ собственныхъ людяхъ. Ужь если дошло до неизбѣжнаго зла, называемаго войною—до кровавой международной операціи, силъ бы сохранилось больше, страданій было бъ меньше, когда бы эта мучительная операція покончена была разомъ, какъ можно быстрѣй, чему въ настоящемъ разѣ представлялась полная возможность, какъ доказывалъ Суворовъ. Потемкинъ обложилъ Очаковъ, и стоялъ передъ нимъ чуть не полгода; онъ надѣялся, что крѣпость сама собой сдастся. Но это великодушіе было на счетъ Русской арміи: Туркамъ дѣйствительно было и тепло, и свѣтло, и уютно сидѣть въ крѣпостныхъ своихъ домахъ, а Русскіе, находившіеся въ открытомъ полѣ, при лютѣйшихъ морозахъ Очаковской зимы, о которой на долго осталось страшное воспоминаніе въ народѣ, погибали ежедневно тысячами: Очаковъ стоилъ цѣлой арміи:

Ой Потемкинъ Генералъ,
Много войска потерялъ,

пѣли въ современной пѣснѣ. Извѣстно, какими скромными пріобрѣтеніями кончилась эта война. По Ясскому миру за Россіей призна-

* Записки Энгельгардта.

но владѣніе Крымомъ, что и до того признано было за Россіей (какъ сказано, по конвенціи Булгакова съ Визиремъ), и уступлены земли между Бугомъ и Днѣстромъ.

Въ отношеніи Новороссійскаго края, чѣмъ особенно прославляется дѣятельность «великолѣпнаго Князя Тавриды», Потемкинъ, устраивалъ этотъ край, но устраивалъ, имѣя для того неограниченныя средства. Сотни милліоновъ въ цѣлой Имперіи, во всѣхъ казначействахъ, были въ его распоряженіи. Они отпускались ему по письменнымъ требованіямъ, отпускались по личнымъ словеснымъ приказаніямъ, отпускались даже наконецъ по приказаніямъ, переданнымъ черезъ посланцовъ.

Разъ одинъ такой посланецъ явился отъ него въ Екатеринославскую Казенную Палату и требовалъ его именемъ огромныхъ суммъ. На ту пору Казначеемъ былъ какой-то Ѳома невѣрующій:

— Безъ предписанія не могу дать, отвѣчалъ Казначей.

Посланный уходитъ, но возвращается снова безъ бумаги и говоритъ:

— Свѣтлѣйшій сердится, ему недосугъ, велитъ безъ всякихъ предписаній отпустить.

— Надо жь намъ имѣть при дѣлѣ основаніе, на какомъ мы выдадимъ деньги, говорятъ въ Палатѣ.

Посланный ничего знать не хотѣлъ.

Тогда въ Палатѣ придумали написать Князю найпочтительнѣйшій и всенижайшій запросъ, въ родѣ этого: «Адъютантъ Вашей Свѣтлости явился съ требованіемъ такого-то капитала, но безъ ордера. Изволите ли приказать дать?»

И они съ тѣмъ же лицомъ получаютъ на измаранномъ лоскутѣ бумаги грозный отвѣтъ собственной руки Князя:

— Дать, дать, дать, черти бъ взяли вашу мать!

Тогда Казначей произвелъ требуемый отпускъ денегъ, а лоскутъ, какъ ордеръ, пріобщилъ къ дѣлу. Онъ долго хранился въ одномъ изъ Екатеринославскихъ архивовъ. * Потемкинъ завелъ даже въ Херсонѣ свой монетный дворъ; но немъ, впрочемъ, не довелось чеканить никакой монеты; за то недавно вышедшія тогда ассигнаціи доставлялись ему въ безчисленномъ количествѣ: онѣ

---

* Мнѣ не удалось его видѣть, и по тому не ручаюсь за буквальную точность выраженія. По преданію, это было по дѣлу откупщика Яковкина.

переплетаемы были для него въ видѣ книгъ и составляли огромную своего рода библіотеку. Плодомъ любви Потемкина къ такому капитальному чтенію было то, что всѣ милліоны, которые пріобрѣтены были отъ Турціи побѣдами Орловыхъ и Румянцова, истаяли и, кромѣ того, вмѣсто сорока милліоновъ, выпущенныхъ въ началѣ Екатерининскаго царствованія, въ видѣ, изобрѣтенныхъ въ то время въ Европѣ, ассигнацій, къ концу его находилось уже этихъ ассигнацій въ обращеніи вчетверо больше.

Отчета въ своихъ расходахъ при жизни Потемкинъ никому не давалъ ни за себя, ни за своихъ подручниковъ, а по смерти его всякія такія потемки покрылись именемъ Свѣтлѣйшаго. Это не опровергается и тѣмъ «генеральнымъ краткимъ счетомъ,» какой состряпали приближенные Потемкина въ очистку себя, предвидя его кончину, за мѣсяцъ до его смерти. Современники, близко стоявшіе къ дѣлу, тогда же называли этотъ счетъ плутнями. При томъ же этотъ счетный перечень только за время упадка придворнаго кредита Потемкина, когда, въ виду открытаго говора въ обществѣ, сознала сама родня Потемкина необходимость отчетности. А пора самыхъ безграничныхъ и безотчетныхъ тратъ— это первыя десять лѣтъ управленія Потемкина Новороссійскимъ краемъ.

Многое, что устраивалъ и предпринималъ Потемкинъ, не заключало въ себѣ жизненности и, по своей скороспѣлости, непрочнымъ оказалось въ будущемъ. Многое было въ основѣ своей въ родѣ тѣхъ декорацій: деревень, городовъ и замковъ, которые ставилъ онъ въ пустыхъ мѣстахъ по берегамъ Днѣпра, когда Екатерина II плыла по немъ въ Тавриду.

Потемкинъ построилъ Губернскій городъ Херсонъ, крѣпость въ немъ, верфь, казармы, и правда:—въ глазахъ самой Императрицы спущено было съ этой верфи нѣсколько кораблей, а о казармахъ она писала въ Петербургъ, что онѣ лучше чѣмъ въ Петербургѣ. Но потомъ открылось, что пристани въ Херсонѣ негодны, верфь надо было перевесть въ другое мѣсто, а прекрасныя, но пустыя, казармы, или истлѣли сами собой, безъ всякой надобности въ нихъ, или по частямъ растасканы мѣстными жителями на домашнія поделки. Самая крѣпость оказалась безполезною.

Потемкинъ устроилъ Губернскій городъ Екатеринославъ, нѣсколько разъ пересаживалъ его съ мѣста на мѣсто, съ такими видами и предположеніями, какъ будто готовилъ ему судьбу и

значеніе сѣвернаго Царьграда. По его желанію заложенъ былъ здѣсь двѣнадцатипрестольный храмъ Преображенія, тотъ храмъ, о которомъ, какъ гласитъ преданіе, Императоръ Іосифъ II, когда ему, какъ почетному гостю, предоставлена была честь положить основный камень при закладкѣ, сказалъ: «Полагаю первый и послѣдній камень,» что въ свое время сочтено было завистью. Потемкинъ избралъ мѣсто для предполагаемыхъ Екатеринославскаго Университета, Академіи живописи, музыкальной Консерваторіи Профессоровъ, и путешествовавшіе въ обществѣ Екатерины II иностранцы съ восторгомъ отозвались о будущемъ всестороннемъ образованіи юга Россіи. Потемкинъ завелъ въ Екатеринославѣ обширныя фабрики; фабрики эти, въ бытность Государыни, поднесли ей, какъ свое издѣліе, великолѣпнѣйшіе шелковые чулки, которые были такой невѣроятной нѣжности и паутинной тонкости, что укладывались, какъ въ футлярѣ, въ скорлупѣ простого орѣха, и путешествующій съ Императрицею дворъ ея былъ въ восхищеніи отъ этого произведенія. Никто не видѣлъ иронія, сложившейся сама собой въ такомъ микроскопическомъ результатѣ здѣшнихъ огромныхъ мануфактуръ; никто не догадывался, что если можно было послать въ Парижъ фельдъегеря за башмаками, что и дѣлалъ не разъ Потемкинъ, то не было препятствія послать и другого за чулками, или, по крайней мѣрѣ, за мастеромъ ихъ. И что жъ? Великолѣпная церковь, съ такимъ блестящимъ торжествомъ зачатая, едва черезъ полвѣка была отстроена, но отстроена уже въ скромныхъ размѣрахъ, и не двѣнадцати, а трехпрестольнымъ храмомъ. Самое окончаніе ея надо отнести къ усиленному вліянію родни Потемкина, бывшей тогда во главѣ управленія здѣшнимъ краемъ. Огромнѣйшія фабрики должны были закрыться; Профессора Университета, Академіи Художествъ и Консерваторіи такъ и остались Профессорами не у дѣлъ, потому что ни Университетъ, ни Академія, ни Консерваторія на самомъ дѣлѣ не выросли. Блистательный Екатеринославъ также далеко не оправдалъ своихъ надеждъ. Потемкинъ построилъ много Уѣздныхъ городовъ, но это были зимовники, хутора и села тѣхъ же Запорожцевъ, названные имъ городами.

Что Запорожье отжило свой вѣкъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно существовало, что Запорожье очутилось не на мѣстѣ, что не могло быть особаго государства въ государствѣ, противъ этого нѣтъ и рѣчи. Уничтоженіе Запорожья было дѣломъ государствен-

ной необходимости. Но нельзя ли было, какъ говорили защитники Сѣчи, сдѣлать то жъ бы, да не такъ бы?

Еще до Потемкина введенъ былъ хитростью въ Запорожскую Сѣчь Комендантъ, введенъ на время, подъ видомъ пособія, и остался навсегда.

По этому случаю Сѣчевики говорили: «Сѣла намъ Московская болячка въ самую печёнку.»

Взято было изъ ихъ владѣній множество земель, въ томъ числѣ огромное пространство ихъ по Самари, гдѣ поселенъ Молдавскій гусарскій полкъ, названный Самарскимъ. Учреждена была на ихъ земляхъ новая, такъ называемая, Днѣпровская линія, оцѣпившая все Запорожье; она какъ бы включила послѣ этого всѣ Запорожскія земли въ границы учрежденной тогда Новороссійской Губерніи.

Взяты были у нихъ въ войну съ Турками главные мосты, переправы, соленыя озера въ прогноях, взяты на время, и остались въ казнѣ навсегда. Отобраны были у нихъ подлинныя грамоты и Польскихъ и Русскихъ Государей на ихъ права и вольности, и въ замѣнъ выданы имъ копіи; когда же Запорожцы стали этими копіями доказывать свои права на земли, которыми владѣли, онѣ не признаны доказательствомъ, а о подлинныхъ актахъ получался одинъ отвѣтъ, что таковыхъ въ архивахъ нѣтъ.

Развитіе края пошло быстрымъ, но едва ли правильнымъ, ходомъ; оно усилено было внѣшними средствами, средствами цѣлой Россіи. Самую печальную сторону дѣла представляетъ закрѣпощеніе свободнаго люда: въ зимовникахъ и хуторахъ Запорожскихъ, въ, такъ называемыхъ, «товщахъ» мальцами, новиками, молодыками да наймитами, не развивался свободный, благотворный трудъ, а пошла вялая, горькая работа крѣпаковъ.

Съ другой стороны въ Запорожцахъ, ушедшихъ въ Турцію, Россія лишилась важной военной силы, но Турція только въ первое время подданства, подъ вліяніемъ не простывшей еще въ нихъ запальчивости, моглазаставить Запорожцевъ воевать съ нами, и то въ ничтожномъ числѣ; въ послѣдующіе годы они рѣшительно отъ этого отказались; иначе Запорожцы могли бы причинить намъ еще большую бѣду, чѣмъ передавшіеся въ Крымъ Русскіе Некрасовцы (Игнатъ-Казаки). Тѣ были гвардіей Крымскаго Хана; въ набѣгахъ Крымцевъ на Россію Некрасовцы всегда шли впередъ, указывали знакомый путь, выискивали скрывавшихся въ знако-

мыхъ мѣстахъ жителей, были самыми злѣйшими нашими врагами: зеленыя ихъ знамена носились всегда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проливалось больше Русской крови, гдѣ болѣе было пожаровъ и болѣе забиралось плѣнниковъ. Наконецъ, съ удаленіемъ Запорожцевъ на Дунай, пострадали также экономическія силы Россіи: степи обнажились, границы открылись; для защиты ихъ нужно было усилить рекрутскіе наборы, оторвать десятки тысячъ рукъ отъ сохи, по тому что тамъ, гдѣ достаточно было сотни Запорожцевъ, мало было и тысячи новыхъ, свѣжихъ людей: Запорожцы знали въ степяхъ каждый оврагъ, гдѣ можно сдѣлать засаду, каждую могилу, каждый курганъ, съ котораго удобно сторожить непріятеля, всякаго овражка въ норкѣ, всякую утку въ гнѣздѣ. Объ этой неоцѣнимой способности Запорожцевъ знали еще при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, и Графъ Минихъ, и Генералъ-Инженеръ Вейсбахъ, и на этомъ они и Гетманъ Даніло Павловичъ Апостолъ основали ходатайство свое о возвращеніи въ Россію изгнанныхъ при Петрѣ I; поняли наконецъ, что Россія имѣетъ собственныхъ природныхъ лихихъ кавалеристовъ, какой способности къ кавалерійской службѣ наши первые иноземные учители не допускали прежде въ Русскихъ. Подъ вліяніемъ этого минмаго недостатка и вызваны были къ намъ Сербы - военнопоселенцы. Почувствовалъ это и самъ Потемкинъ, когда открылась война съ Турками въ 1787 году. Тогда онъ отчасти исправилъ ошибку: сталъ вызывать всѣхъ Запорожцевъ на службу со значительными льготами и привилегіями, но не подъ солдатскую шапку, не съ тѣмъ, чтобъ затягивать ихъ въ ранцы, чего они, какъ чортъ ладану, боялись, а въ составленный имъ въ это время новый «Кошъ вѣрныхъ Козаковъ,» который существовалъ, впрочемъ, недолго въ такомъ видѣ; этимъ способомъ Потемкинъ если не воротилъ ушедшихъ въ Турцію, то, по крайней мѣрѣ, собралъ тѣхъ, что́ притаились на Украйнѣ по лѣсамъ, озерамъ, пасѣкамъ, въ куреняхъ по баштанамъ и въ чумачествѣ. И они вновь славно поработали Россіи подъ Березанью, подъ Очаковымъ и на Черномъ морѣ.

Послѣ того даны были имъ и земли на Тамани и по Кубани, но это было уже черезъ семнадцать лѣтъ по уничтоженіи Сѣчи. * Изъ этого «Коша вѣрныхъ Козаковъ» составились «Черноморскіе Козаки,» которые такъ прославились подъ именемъ пластуновъ въ

* Вышли и заселили Черноморье въ 1792 г.

наше время, въ минувшую Крымскую войну. Нынче Черноморцы носятъ названіе «Кубанскаго войска.»

Вотъ нѣсколько блистательныхъ образцовъ уваженія сильныхъ къ собственности слабыхъ—къ частному ихъ праву, какіе представляетъ исторія въ разныя времена и у разныхъ народовъ:

Въ Египтѣ, въ VII вѣкѣ послѣ Рождества Христова, полководецъ Аравійскаго Калифа Омара, знаменитый Амру, строилъ мечеть; подъ нея должна была войти земля, занимаемая избушкой одной Еврейки, которая ни за какую цѣну не хотѣла продать наслѣдія своихъ отцовъ. Амру, свирѣпый завоеватель Египта, изувѣръ-преслѣдователь чужихъ религій, тигръ-истребитель «лѣкарствъ для души»—знаменитой Александрійской Библіотеки, оставилъ избушку бѣдной иновѣрки на мѣстѣ, и только приказалъ отгородить отъ нея мечеть восьмью колоннами. Прусскій Король Фридрихъ Великій строилъ укрѣпленіе или что-то въ этомъ родѣ; ему мѣшала мельница по сосѣдству. Фридрихъ поручилъ ее купить, но мельникъ, Арнольдъ, ее не продалъ, и на угрозы, что ее отберутъ насильно, отвѣчалъ: «У насъ есть судьи, — они мнѣ дадутъ защиту.» Такой отвѣтъ привелъ Фридриха въ восхищеніе, и мельница оставлена была на мѣстѣ. Наполеонъ I предполагалъ построить дворецъ для Римскаго Короля въ Парижѣ: надо было взять подъ него мѣсто подъ лачужкой одного сапожника, но сапожникъ не уступалъ, и — Наполеонъ оставилъ хозяина при его владѣніи, и дѣло постройки дворца не осуществилось. Французскій Король Лудовикъ Филиппъ, желая соединить Лувръ съ Тюльери, давалъ за ничтожный домъ, стоявшій между этими дворцами, два милліона франковъ, но владѣлецъ не продалъ, и дѣло соединенія дворцовъ не состоялось.

Потемкинъ въ продолжавшейся необходимости пріобрѣтенія Запорожскихъ земель поступилъ круче.

Новѣйшее время, когда потребовалось почти ежедневно отчужденіе частной собственности подъ общественную надобность, подъ желѣзныя дороги, подъ пароходныя пристани, подъ разныя публичныя зданія и т. п., выработало для этого уже особыя постоянныя правила оцѣнокъ и вознагражденій, извѣстныя подъ юридическимъ терминомъ отчужденія («экспропріяціи»). Если вѣрить одному разсказу, на уничтоженіе Запорожскаго Коша такими крутыми средствами Потемкина подвинула собственно не государственная необходимость, а личная мстительность. Неосторожные Старшины

нашъ старый Днѣпро—прямый пляхъ и въ Татарскій Крымъ, и въ Натолію (Апатолію), и въ Румылію, и на самый Царьгородъ, который въ нечестивыхъ рукахъ. Нихто васъ не смѣе и не може удерживать, да сами вы удержитесь и схаменитесь (опомнитесь), товариши мои прелюбезныи! Да куды жь васъ нечистая несеть? Христосъ съ вами!»

Когда Запорожцамъ заговорили о Днѣпрѣ, вдругъ волненіе между ними заглохло. Въ слѣдъ за тѣмъ эти суровые, закаленные витязи, которые, когда имъ кожу сдирали, чувствовали это не больше, какъ укушеніе комаровъ, давай одинъ по одному плакать.

—Да й справдѝ мы дурнѝ! говорили они, всхлипивая какъ дѣти. Куды жь насъ въ самóмъ дѣлѣ чортъ тащить? Не змѣнимъ Днѣпру-батькови! Не бросимо Сѣчи-матери! вдругъ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Одинъ какой-то голосъ, можетъ быть изъ собственныхъ выгодъ; желая поддержать прежнюю горячность въ Козакахъ бѣжать изъ Сѣчи, закричалъ:

—Да, вѣдь, Крымскій Ханъ обѣщае намъ на своéй землѣ всѣ льготы, всѣ вольности!

—Да цуръ ёму, собацѣ! Гаспидъ съ нимъ! былъ ему отвѣтъ.

— А Турокъ дае цѣлыи мѣшки золота! добавилъ тотъ же голосъ.

—А стонадцять ёму чортóвъ съ тобою, паршивою вóвцею! гаркнуло сто голосовъ съ ожесточеніемъ.—Остаемся!

И такъ то, чего не сдѣлала бы никакая сила въ мірѣ, сдѣлало одно воспоминаніе о любимой рѣкѣ.

Но теперь было другое дѣло, другое время. Недовольные, одни уплыли Днѣпромъ на сандалкахъ (Турецкихъ судахъ) и дубахъ (думбасахъ), избравъ Атаманомъ своимъ Ляха; другіе же, отпросясь у Текелія на рыбные промыслы, ушли сухимъ путемъ. И тѣ и другіе обратились въ своей бѣдѣ къ «Прибѣжищу Свѣта» (одинъ изъ титуловъ Султана), искали пріюта «у Высокаго Порогу,» у «Блистательныхъ Вратъ» (самовеличанія Турціи), и поселены были ею на Дунаѣ. Народная память насчитываетъ ихъ всѣхъ за сорокъ тысячъ. По донесеніямъ разорителей Сѣчи, имѣвшихъ интересъ сокращать цифру, за границу ушло не больше 10,000 человѣкъ. Потемкину немногихъ удалось обратить въ ненавистныхъ Запорожцамъ пикинеровъ въ Херсонскій и Полтавскій полки. Занятіе вооруженною рукою и разореніе Сѣчи послѣдовало 5 Іюня,

1775 г., а вообще объ уничтоженіи Запорожскаго братства обнародовано манифестомъ 3 Августа въ томъ же году.

Богатства Сѣчи, какъ жаловались оставшіеся отъ разгрома Сѣчевики, разграблены Донцами.

—Пропала наша Сѣчь ни за цапову (козлиную) душу! На вѣки вѣчныи, сердечная, провалилась! Московская Нора теперь въ нёй завелась! такъ говорили Запорожцы о Полковникѣ Норовѣ, который въ первое время послѣ уничтоженія Коша оставленъ былъ начальникомъ въ этихъ мѣстахъ.

—Одъ бабы пропала наша славная Запорожская Сѣчь, отъ бабы! Правду напророчила проклятая вѣдьма, толковалъ одинъ чубатый старикъ, уцѣлѣвшій отъ временъ Запорожья.

—Якъ такъ, дѣдусю? спрашивали внуки.

—А отъ воно. Якъ не було въ Запорожьи цѣлее лѣто дощa, все въ полѣ почорнѣло, выгорѣло до послѣднёи былинки. Настaвъ голодъ. Знающіи люди догадались, що дощъ крадуть вѣдьмы, и нашли двухъ, трёхъ, такихъ старыхъ вѣдьмъ, и якъ ихъ пришпарили Сѣчовики, сами воны и повинились, а якъ стали ихъ топить въ рѣчцѣ, одна, утопаючи, и закричала:

—Отъ же, вы, Запороженьки, губите насъ, бабъ: сгубить и васъ самихъ баба!

Воно такъ и вышло теперь по заклятью вражои вѣдьмы: Царица Катерина розорила Запорозькее гнѣздо —Сѣчь.

При уничтоженіи Сѣчи, главнаго войсковаго старшину, Кошевого Атамана Петра Ивановича Калнышевскаго (Калныша), Войскового Судью Павла Фроловича Головатаго и Войскового Писаря Ивана Яковлевича Глобу, Текелій подъ стражей отправилъ въ Петербургъ. Дальнѣйшая судьба ихъ долго была тайной. Была Козацкая пѣсня, намекавшая иносказательно, что Калнышевскій на Дону; было въ Батуринской церкви Евангеліе, пожертвованное Головатымъ, судя по надписи на немъ, уже послѣ арестованія и отправки Запорожскихъ Старшинъ въ столицу. Какъ оно могло туда попасть? Все это сбивало соображенія, путало догадки.

Могъ его, впрочемъ, туда внести Сѣчевой Настоятель, Архимандритъ, отецъ Владимиръ Сокальскій, который, послѣ разгрома Запорожья, былъ отрѣшенъ и посланъ въ Кіевъ, но потомъ назначенъ Намѣстникомъ Батуринскаго Николаевскаго монастыря; онъ, вѣроятно, видѣлся съ Головатымъ еще и въ первый годъ естованіяре Запорожскихъ Старшинъ; можетъ быть ему Головатый

и передалъ внести по обѣту это Евангеліе въ Батуринскую церковь. Нынѣ извѣстно, Запорожскіе Старшины сосланы были въ монастыри, гдѣ и кончили свой вѣкъ: Глоба, котораго все Запорожье считало за найразумнѣйшую голову, умеръ около 1790 года, по однимъ въ Гачруханскомъ, по другимъ въ Бѣлозерскомъ, монастырѣ, Головатый въ Тобольскомъ, а Калнышъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Калнышевскій, есть извѣстіе, содержался очень строго въ подвалахъ монастыря до самаго конца Екатерининскаго царствованія; при Павлѣ Петровичѣ положеніе его было облегчено, потомъ предоставлена была ему свобода, но онъ не пожелалъ ею воспользоваться; нѣкоторые увѣряли, что онъ постригся въ монахи и былъ въ послѣднее время Іеромонахомъ въ тамошнемъ монастырѣ, а умеръ, какъ видно изъ надписи на его могилѣ, при Александрѣ Павловичѣ, 23 Октября, 1803 года, въ субботу, ста двѣнадцати лѣтъ. Соловецкіе монахи и Епископъ Александръ, бывшій 1854 года, Настоятелемъ и защитникомъ Соловецкаго монастыря при нападеніи Англо-Французскаго флота, отзывались о кончинѣ Калнышевскаго, что онъ умеръ смертію благочестивою и доброю. Калнышъ считался товарищемъ Кущевскаго Запорожскаго куреня; потомки его, землевладѣльцы Новороссійскіе, отъ племянницы, бывшей за Лубенскимъ Хорунжимъ Вертилякомъ, существуютъ и нынѣ. Калнышъ рано началъ играть важныя роли въ Запорожьѣ: еще за двадцать лѣтъ до паденія Сѣчи онъ ѣздилъ въ Петербургъ депутатомъ все по тому же роковому спору за земли съ сосѣдями, который наконецъ и погубилъ Сѣчь, отличался не разъ въ битвахъ, правилъ Запорожьемъ въ званіи главнаго Кошевого Атамана безсмѣнно лѣтъ десять, что было большою рѣдкостью при выборномъ началѣ Запорожской республики, ежегодно, а иногда и чаще, привередливо смѣнявшей своихъ Кошевыхъ; въ видахъ Русскаго Правительства, въ Гайдамаччину, поднявшуюся (съ 1768 г.) съ Желѣзнякомъ въ Польской Украйнѣ за религіозныя притѣсненія, сдержалъ Запорожье, которое хотѣло пуститься тоже въ слѣдъ за коліями (такъ называли бойцовъ этого возстанія, вооруженныхъ большею частью кольями), едва не былъ убитъ за строгость къ нѣкоторымъ Запорожцамъ, самовольно помогавшимъ коліямъ, спасся только бѣгствомъ въ одеждѣ монаха. Черезъ годъ съ небольшимъ по занятіи Сѣчи Текеліемъ, Калнышъ сданъ былъ въ Соловкахъ Архимандриту Досиѳею и преданъ заточенію; наказано не позволять и не давать ему переписокъ и удалять отъ людей. При всемъ томъ онъ прожилъ этакъ еще около трид-

цати лѣтъ. Воспитанный въ суровой школѣ Запорожья, презиравшей объяденье, прельщенье, нѣгу жизни, онъ, какъ большая часть Сѣчевыхъ стариковъ, дожившихъ до сознанія физическаго безсилія своего къ боевой жизни, можетъ быть самъ себя добровольно гдѣ ни будь подвергъ подъ старость подобной жизни монаха-затворника и предался богомыслію. Тѣ Бѣломорскіе крестьяне, кому въ Соловкахъ въ послѣдніе годы Калныша, удалось его видѣть и слышать, такъ о немъ разсказывали: * «Были мы въ день Пасхи въ Соловецкомъ монастырѣ; пришли мы въ трапезу передъ обѣдомъ, ожидали монаховъ съ порціей. Приходитъ человѣкъ незнаемый за карауловъ трехъ солдатъ съ ружьями, спрашивалъ насъ: «Кто Царемъ теперь? Какъ Цари живутъ нынче? Какія благополучія на Руси? Мы отвѣчали: «Царемъ Александръ, живутъ по прежнему, слава Богу, благополучно и хорошо.» Онъ бы и больше спрашивалъ, да солдаты не позволили говорить: «Отъ этого человѣка отходите прочь!» закричали солдаты. «Съ этимъ человѣкомъ не приходится говорить вамъ.» И монахи тожь остерегали. Архимандритъ пришелъ, и онъ подошелъ подъ благословеніе. Архимандритъ говорилъ: «Ты древенъ, землей пахнешь!» далъ знать этимъ, что ему недолго жить. Монахи сказывали, что это Кошевой Атаманъ, сидитъ близко сорока годовъ въ совершенномъ заточеніи. Его только три раза въ годъ: на Пасху, Рождество и Преображеніе, выпускали въ трапезу монастырскаго хлѣба кушать. Онъ росту средняго, старый видомъ, сѣдастые волосы и волосъ, обсѣкся, борода недолгая, бѣлая. Говорилъ не такъ какъ чисто по Русски. Одѣтъ былъ въ китайчатый синій сертучокъ, пуговицы, говорилъ разскащикъ, не знаю, оловянныя, что ль? маленькія такія, въ два ряда (это обыкновенный лѣтній кафтанъ простого Ко зака съ гудзиками). Одинъ крестьянинъ замѣтилъ, что въ первое время прибытія Калнышевскаго на Соловки, на немъ было красное платье; онъ казался здоровъ, широкъ въ плечахъ, потомъ сталъ худъ и старъ, и гдѣ-то костье дѣлось!»

Во время заточенія въ Соловецкомъ манастырѣ Запорожскаго льва былъ тамъ въ заключеніи и другой замѣчательный человѣкъ съ конца 1791 года—это левъ Ислама, 24-лѣтній Шейхъ-Мансуръ, не разыгравшійся Кавказскій Шамиль: онъ явился въ

---

* П. Ефименко, Калнышевскій. Русская Старина, Ноябрь, 1875.

Чечнѣ, семь лѣтъ, по наущенію Турокъ, волновалъ Черкесовъ противъ Руссскихъ и былъ взятъ нами въ плѣнъ въ Анапѣ!*

На мѣстѣ бывшей Сѣчи нѣкоторые потомки прежнихъ Запорожцевъ ведутъ о Калнышевскомъ свою особую легендарную исторію. Они увѣрены что Калнышъ, какъ поруйновали Сѣчь, уѣхалъ въ Туреччину, тамъ женился, имѣлъ сына, котораго и ждали, что онъ вернется на родину своего отца.

Иногда память народная возводитъ въ свои богатыри и защитники такія личности, которыя на самомъ дѣлѣ дѣйствовали совершенно противоположно; такъ одинъ простодушный потомокъ Сѣчевиковъ, разсказывая о границѣ Запорожья, что она начиналась у Черной Могилы, по сей бокъ рѣки Донца къ городу Изюму и по Бугъ рѣку, что самый Изюмъ и Святогорщина тожь были Запорожскія земли, и что въ Изюмѣ возлѣ почты и теперь стоитъ обгорѣлый пень и каменный столбъ, указывавшій эту границу, увѣрялъ при этомъ, вопреки исторіи, что Петръ I всѣми силами ограждалъ неприкосновенность Запорожскихъ земель, что будто на поэтическомъ Украинскомъ курганѣ, называемомъ Савуръ-Могила, которая находилась гдѣ-то въ верховьяхъ рѣки Самары, близъ старой Муравской дороги, лежалъ большой бѣлый камень, и что на этомъ камнѣ сдѣлана была Царемъ Петромъ надпись: «Проклятъ, проклятъ, проклятъ, кто станетъ отбирать у Запорожцевъ земли, до скончанія вѣка!» Между тѣмъ, извѣстно, Петръ не очень жаловалъ Запорожье и, лелѣя большія надежды на Черное Море и на земли, прилегающія къ нему (особенно до Прутскато мира), приказывалъ своему дѣльцу, Украинцеву, при установленіи въ 1700 году границы отъ Днѣпра до Синюхи, «буди можно, для Запорожцевъ явныхъ знаковъ не ставить, а только обязаться письмомъ.» ** Такою же излюбленною личностью, по преданію народному, является въ дѣлѣ паденія Сѣчи и Ѳедоръ Чорба, родомъ Сербъ, хотя онъ былъ въ сущности также однимъ изъ разорителей ея. Въ пору атакованія Сѣчи, онъ былъ въ чинѣ Генералъ-Маіора, подъ командою Текелія, своего земляка, и командовалъ желтымъ гусарскимъ полкомъ. Преданіе увѣряетъ, что Чорба противился уничтоженію Сѣчи, и даже до того, что поссорился за это съ Потемкинымъ и вызвалъ его на поединокъ. И стали они, такъ раз-

---

* Записки Храповицкаго.

** Исторія Петра I-го, Устрялова, т. 4, ч. 1, стр. 230.

сказываютъ, Чорба на одной могилѣ, а Потемка на другой, и стрѣлялись. Чорба выстрѣлилъ изъ пистолета, и ранилъ Потемку, а Потемка выстрѣлилъ изъ пистолета, и убилъ Чорбу. Чорба тутъ и упалъ, а раненый Потемка пошелъ въ степь, оставляя за собою кровавый слѣдъ, и въ степи уже упалъ и также умеръ.

III.

Потемкинъ, покончившій съ Запорожьемъ, не мало былъ восхваляемъ и при жизни и по смерти, и сдѣлалъ много полезнаго для Россіи; по этому мы немного умалимъ его заслуги, если, во имя истины, скажемъ и о нѣкоторыхъ его не слишкомъ удачныхъ распорядкахъ, и о такихъ сторонахъ его характера, которыя тяжело отзывались на цѣломъ Государствѣ.

Эта блистательная личность, сынъ случая, или, какъ называли его льстецы, «великолѣпный Князь Тавриды,» любимецъ фортуны, возвысился не столько государственными достоинствами, сколько милостью къ нему Императрицы; ему по этому оказано было безпредѣльное довѣріе во всемъ, даны неограниченныя полномочія и средства: отсюда шли его успѣхи, слава.

При всемъ томъ, не говоря о неимовѣрномъ въ немъ честолюбіи, завистливости къ талантамъ другихъ, безпощадной расточительности, онъ, и удовольствованный всѣмъ и во всемъ, и на высотѣ своего положенія сохранилъ недостойную въ государственномъ человѣкѣ жадность и склонность къ неправотѣ и кривизнѣ дѣйствій, готовъ былъ и самъ покуситься, и чрезъ посредство другихъ такъ повліять на дѣло, чтобы оно доставило ему, или его приближеннымъ, какую ни будь ничтожную выгоду, хотя бы то принесло вредъ Государству, или народу. Между прочимъ, какъ мелочность его души: устроилъ онъ себѣ зеркальный заводъ, въ слѣдъ за тѣмъ распорядился давленіемъ на Безбородка, который велъ подобныя дѣла, наложилъ на иностранныя зеркала такую высокую пошлину, что они сдѣлались для Россіи почти недоступны, и вся Россія должна была довольствоваться его плохими произведеніями за огромныя цѣны. Преслѣдовалась въ Россіи контрабанда, но это преслѣдованіе не простиралось ни на него, ни на его окружающихъ. Современный Потемкину Французскій Посланникъ при нашемъ Дворѣ, Графъ Сегюръ, разсказываетъ забавный анекдотъ по этому случаю. Состоялся торговый

договоръ между Россіей и Франціей. Договоръ этотъ, подписанный Петербургскимъ Кабинетомъ, послалъ Сегюръ съ своимъ камердинеромъ, Эвраромъ, для ратификаціи въ Парижъ; договоръ утвержденъ былъ и тамъ, и возвращался назадъ съ тѣмъ же курьеромъ. Курьеръ смекнулъ, что Русскіе Министры по этому дѣлу, по обыкновенію, надѣются получить Королевскіе подарки, и что они, въ нетерпѣніи пріятнаго ожиданія, предписали конфиденціяльно пропускать на этотъ разъ Французскаго курьера на всѣхъ заставахъ и въ таможняхъ безъ всякаго задержанія и безъ досмотра его чемодановъ и экипажей, что и было на самомъ дѣлѣ. Пользуясь этимъ, онъ биткомъ набилъ свою дорожную карету самыми дорогими контрабандными товарами, за которыя слѣдовало взять или при открытомъ дѣйствіи высокую пошлину, или при тайномъ провозѣ громадный штрафъ, и самые товары конфисковать. Разъ Сегюръ завтракалъ у Потемкина съ его племянницами и посторонними лицами и замѣтилъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ безпрестанно уходятъ въ сосѣднія комнаты и тщательно притворяютъ за собой двери. Всякій разъ, какъ Сегюръ пытался войти туда, одна изъ племянницъ Князя задерживала его подъ какимъ ни будь предлогомъ. Это подстрекнуло его любопытство: онъ, при удобномъ случаѣ, ускользнулъ изъ подъ надзора, поспѣшно отворилъ дверь, и увидѣлъ на большомъ столѣ, окруженномъ цвѣтникомъ, дамъ покупательницъ, пріятельницъ племянницъ Свѣтлѣйшаго, цѣлую кучу иностранныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ, всяческихъ издѣлій. Среди этой кучи, какъ изъ тучи, къ удивленью Сегюра, показывалась голова его камердинера его, Эврара; по временамъ, какъ изъ волнъ, подымались и руки его въ быстрыхъ движеньяхъ; это онъ переметывалъ изъ конца въ конецъ по столу свои товары, показывая ихъ казовымъ концомъ. Эвраръ чертовски преувеличивалъ ихъ достоинство и диктаторски, безъапелляціонно, назначалъ имъ самыя чудовищныя цѣны. Сегюръ тутъ же, на мѣстѣ преступленія, объявилъ камердинеру, что отказываетъ ему отъ мѣста; но на Сегюра ополчился цѣлый легіонъ дамъ, умоляя о снисхожденіи, о прощеніи. Сегюръ былъ непреклоненъ, но когда и самъ Князь Потемкинъ присоединился къ ихъ просьбѣ, Сегюръ, конечно, простилъ. Для Франціи въ этомъ была выгода: не ему же въ самомъ дѣлѣ преслѣдовать Французскую контрабанду и контрабандистовъ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что и самъ первый Русскій Министръ такъ мало уважалъ

законы своего отечества, что самъ покровительствовалъ незаконной торговлѣ.

А о баснословной расточительности Потемкина кто не знаетъ? Его фельдъегеря сновали безпрестанно взадъ и впередъ и по Россіи, и по цѣлой Европѣ, посланные зачастую за какими ни будь женскими галантерейными побрякушками, за букетами живыхъ цвѣтовъ къ именинным праздникамъ, скакали на край свѣта искать розы и въ морозы, или, чтобъ удовлетворить обжорство, посылались за устрицами, омарами, плодами южныхъ странъ, и въ родѣ того[illegible]

Эта, по происхожденію, мелкая сошка, бѣдный Смоленскій дворянинъ, не могъ будто бы пить другой воды, какъ изъ Хороля; изъ Зубаневской криницы, и курьеры возили ее въ бочепкахъ ему за тысячи верстъ въ Петербургъ, въ Бессарабію. Услышалъ онъ, есть гдѣ-то на Руси человѣкъ, который знаетъ наизустъ всѣ Святцы (Спечинскій), и фельдъегерь скачетъ въ это захолустье, хватаетъ этого человѣка и представляетъ предъ ясныя очи Свѣтлѣйшаго; Князь проэкзаменовываетъ его, удостовѣряется въ дѣйствительности знанія, милостиво изволитъ сказать: «Хорошо!» и фельдъегерь снова скачетъ и отвозитъ его на мѣсто. Всѣ такія шутовства, всѣ эти чревоуслажденія, стоили бѣшеныхъ денегъ.

Потемкинъ задумалъ, или, вѣрнѣе сказать, отряхнулъ пыль отъ давно задуманнаго мертворожденнаго проекта возстановленія Византійской Имперіи (у Яна Собіескаго, у Петра I и во всей Европѣ въ ихъ время проектъ этотъ извѣстенъ былъ подъ именемъ изгнанія Турокъ изъ Европы; о томъ же думали у насъ и Минихъ и Орловы прежде Потемкина. Въ нашу пору онъ, видоизмѣненный временемъ и обстоятельствами, называется, на языкѣ дипломатической символистики, «наслѣдствомъ больнаго человѣка»). Въ то время, когда Потемкинъ намѣревался приводить въ исполненіе свой проектъ, Турція была съ нами въ мирѣ и, вѣроятно, надолго сохраняла бы это положеніе, по тому что главная причина ея неудовольствія—присоединеніе Крыма къ Россіи, была передъ тѣмъ уже улажена мирнымъ путемъ: Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Булгаковъ, заключилъ съ Великимъ Визиремъ конвенцію (28 Декабря, 1783), по которой Турція отказалась отъ притязаній на Крымъ. Потемкинъ вызвалъ ее на новую войну, если не прямо, такъ косвенно, если не предумышленно, такъ неосторожно, именно: чтобъ пощеголять своимъ управленіемъ и въ Новороссійскомъ краѣ, и въ Крыму, онъ возбудилъ въ Импера-

Запорожья будто бы не очень лестно отзывались межъ собою о немъ и объ его дѣйствіяхъ; такъ, толкуя объ его устройствахъ въ Новороссійскомъ краѣ, для чего онъ безпощадно расходовалъ силы всей Россіи, они говорили: «И дурень наши наварить, абы було пшоно да сало!» и т. п. Это доведено было до свѣдѣнія Свѣтлѣйшаго нѣкоторыми изъ тѣхъ же Старшинъ, прислужниковъ его, которые получили за это разныя богатыя земли,—и участь Сѣчи была рѣшена. Разсказъ этотъ имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, судя по той жестокости, съ какою, безъ особо важной вины, поступлено было съ главными Сѣчевыми Старшинами, и по той быстрой и крутой перемѣнѣ, какая послѣдовала въ Потемкинѣ въ отношеніи Кошеваго Калнышевскаго, не дальше, какъ за годъ до аттакованія Сѣчи. * Потемкинъ, выхваляя славу Калнышевскаго, военные таланты и стройное управленіе имъ Запорожскою республикой, прислалъ ему, «въ знакъ всегдашней своей любли,» часы, бархату на платье, увѣрялъ (нужнымъ считая оговориться, что это «чистосердечно»), что и одного случая не оставитъ сдѣлать для него какую либо выгоду, выхвалялся ходатайствовать о пользѣ его у престола Монархини, обѣщалъ разобрать порубежныя претензіи и споры, а черезъ годъ—Сѣчь была уничтожена, а черезъ другой тотъ же Потемкинъ, въ качествѣ Вице Президента Военной Коллегіи, возводилъ на Калнышевскаго и его товарищей такія преступленія, какія, по его мнѣнію, заслуживали смертной казни, и упряталъ ихъ въ вѣчную ссылку. Послѣ понятно стало, изъ какого источника шли подарки Потемкина и похвальныя письма. Они были преддверіемъ намѣреній его къ покушенію на Запорожскія земли. Потемкинъ думалъ, что закупивъ, какъ это водилось въ Европейскихъ дипломатическихъ кружкахъ, голову, онъ станетъ распоряжаться тѣломъ по своему произволу; однако жъ честный Запорожецъ не пошелъ на эту удочку: онъ, съ своей стороны, отдарилъ Потемкина прекрасными Турецкими лошадьми, въ шитыхъ золотомъ чепракахъ, съ серебряными стременами, но не поступился ни одной выгодой на счетъ своего братства.

Если бъ Запорожцамъ прямо, открыто, было заявлено о необходимости взять у нихъ земли для Имперіи, и обѣщано было имъ соотвѣтствующее вознагражденіе, не выкраивая въ тихо-

* Письмо Потемкина Калнышевскому 21 іюня, 1774 г. П. Ефименко. Русская Старина 1875 № 11.

молку себѣ изъ ихъ земель цѣлыхъ провинцій, не оскорбляя всѐ рыцарство ихъ названіемъ грабителей, разбойниковъ, пьяницъ, не взводя на нихъ клеветы въ измѣнѣ, нѣтъ сомнѣнія, что эти люди, жертвовавшіе общему отечеству, Россіи, и своею кровью, и своими головами, пожертвовали бы и своими землями. Что это вѣрно, до такого убѣжденія дошелъ наконецъ и самъ Потемкинъ, къ несчастью, довольно поздно, только черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ уничтоженія Сѣчи. Въ письмѣ Контръ-Адмиралу, Графу Войновичу, о тѣхъ Запорожцахъ, которые остались въ Россіи и обращены были въ Черноморскихъ Козаковъ, онъ писалъ ему: * «Съ этимъ народомъ нужно обходиться ласково;» добрымъ образомъ изъ нихъ все можно сдѣлать.» Нужно ли послѣ этого искать еще лучшаго оправданія для Запорожцевъ? Стало быть, имѣлась возможность, при рѣшеніи ихъ участи, сдѣлать тожъ бы да не такъ бы?

Въ это время, когда одна часть Сѣчевиковъ, остававшаяся въ Россіи, устроилась наконецъ въ Черноморіи, иная была судьба Запорожцевъ, ушедшихъ въ 1775 году въ Турцію. Уходя при разореніи Сѣчи на чужбину, съ ущемленнымъ сердцемъ, каждый изъ нихъ, однако жь, пожелалъ сохранить у себя вѣчное воспоминаніе о дорогой родинѣ, и каждый изъ нихъ, какъ святыню, унесъ съ собою въ ладонкѣ на груди Приднѣпровской земли.

Когда Запорожцы перешли на Оттоманскія земли, Турецкое Правительство приказало Греческому, или Болгарскому, Священнику, подданному Порты, привести ихъ, по Греко-Россійскому закону, къ присягѣ. Тогда, сказывалидѣды, Запорожцы посыпали изъ ладонокъ родной земли въ свои чоботы-сапьянци (сафьяновые сапоги), обулись въ нихъ и дали такую клятву: «На чьей землѣ стоимъ, тому и служить будемъ вѣрою, правдою, рукою и головою.»

У нихъ, какъ видно, еще въ самомъ началѣ была тайная надежда на возвратъ на родину: сбылось это, однако, только черезъ полвѣка. Турки поселили ихъ на Дунаѣ, на Георгіевскомъ островѣ и въ окрестностяхъ его, и назвали Буткальскими Козаками; но рядомъ съ ними жили Некрасовцы (тожъ Русскіе перебѣжчики, Донцы); Запорожцы скоро поссорились съ ними и переведены были выше по Дунаю, въ окрестности крѣпости Гирсово,

---

* Письмо 1789. Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. VII.

на урочище Сеймены; тутъ они и сѣли Задунайскимъ Кошемъ до 1803 года. Они не разъ порывались уйти въ Россію, но Турки, посредствомъ круговыхъ порукъ, держали ихъ крѣпко у себя. Тѣхъ, которымъ удавалось перебѣгать въ одиночку къ намъ, селили въ Черноморіи. Въ войну Россіи съ Турціей въ 1806—1812 г., по открытому пригласительному листу Главно командующаго, Михельсона, данному Маіору Подлясскому, многіе изъ нихъ выведены Губою и Бучинскимъ въ Россію, и изъ нихъ составлены были два полка, Буджацкій и Усть-Дунайскій, названные Усть-Дунайскимъ Казачьимъ Войскомъ; по окончаніи тогдашней войны съ Турціей, одна часть его отправлена въ Черноморію, а другая обращена въ казенныхъ Бессарабскихъ крестьянъ. Въ войну 1828 г., наконецъ, представился случай заслужить себѣ прощеніе и остальнымъ Запорожцамъ: Турки, перекрестнымъ огнемъ своихъ батарей, не давали Русскимъ навести мостъ, перейти черезъ Дунай; явились Запорожцы: сотни легкихъ судовъ ихъ быстро переправили нѣсколько Русскихъ полковъ на другую сторону, и правый берегъ Дуная былъ завоеванъ. Одна Запорожская лодка, управляемая Запорожскимъ Кошевымъ, Осипомъ Ивановичемъ Гладкимъ, считавшимся въ Турціи Двухъ-Бунчужнымъ Пашою, перевезла самаго Государя, Николая Павловича, бывшаго тогда при войскахъ. Такимъ подвигомъ и послѣдующими своими дѣйствіями въ этой войнѣ Запорожцы купили себѣ возвратъ на свою дорогую родину. Въ сущности, однако жъ, это были уже другіе люди: изъ прежнихъ возвратился можетъ быть десятокъ, другой дѣдовъ; остальные, которые ушли, по обыкновенному сроку человѣческой жизни, въ пятьдесятъ лѣтъ изгнанія, тамъ и полегли.

Возвратившіеся изъ Турціи Запорожцы поселены въ Екатеринославской Губерніи, при Азовскомъ морѣ, и названы «Азовскимъ Казачьимъ войскомъ.» Въ ихъ обязанность вошло, въ видахъ противуконтрабандныхъ мѣръ, крейсерство на лодкахъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Николай Павловичъ Кошеваго Гладкаго пожаловалъ сперва въ Полковники, потомъ въ Генералы, а сына его, еще мальчика, въ Офицеры. Гладкій сынъ воспитывался въ Екатеринославской Гимназіи, и въ торжественные дни, бывши гимназистомъ, надѣвалъ эполеты, учился превосходно, вышелъ первымъ съ золотою медалью. Въ 1865 году Азовское войско упразднено, и его Козаки обратились въ мирныхъ гражданъ.

IV.

Въ памяти народной Запорожцы, вмѣстѣ съ славою защитниковъ и спасителей Христіянства, живутъ еще какъ собственники разныхъ кладовъ, которые оставили они скрытыми послѣ себя; кромѣ того, хотя они въ тревожномъ существованіи своемъ, не дорosши до полнаго гражданскаго устройства, не успѣли проявить своей дѣятельности мирными памятниками искуствъ, за всѣмъ тѣмъ оставили по себѣ тожь какъ незыблемый поминъ чудныя пѣсни и думы и одну замѣчательную по своеобразности зодчества церковь, которая существуетъ и въ наше время. Запорожскіе клады разсѣяны въ разныхъ концахъ Новороссіи: какъ люди бездомные, безсемейные, при томъ безпрестанно тревожимые непріятелемъ, Запорожцы то, что добывали, прятали въ землю до поры, до времени, когда можно было этимъ воспользоваться. Иногда, по военнымъ обстоятельствамъ, они не могли возвратиться къ мѣсту, гдѣ скрытъ ихъ кладъ; попавши въ плѣнъ, или убитые въ сраженьѣ, иногда и воротясь, послѣ долгихъ лѣтъ, они и сами позабывали, гдѣ свой кладъ схоронили. Такимъ образомъ все это оставалось на вѣкъ въ землѣ, или находили уже потомки случайно. Особенно много зарыли они кладовъ по разоренiи Сѣчи, отправляясь въ Турцію. Эти клады, какъ вообще клады на Руси, считаются въ народѣ «заповѣдными,» окруженными таинственными заклинаніями; нѣкоторые положены «съ свинцомъ», «съ зарокомъ,» и дадутся только тому, кто исполнитъ положенный зарокъ. Они будто бы горятъ иногда въ томъ мѣстѣ, гдѣ схоронены, свѣчкой, показываются курицей, ходятъ собакой, или нищимъ старикомъ, распустившимъ слюни, которому, если кто изъ состраданія ихъ оботретъ, старикъ разсыплется передъ тѣмъ деньгами. То же сдѣлается, кто ударитъ такую собаку, или потушитъ свѣчу; не то— надо искать кладъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ появится. Запорожцы и войсковую свою скарбницу (казнохранилище) также оставили кладомъ гдѣ-то въ Поднѣпровьѣ. Еще въ 1868 году одинъ такой Запорожскій кладъ опять волновалъ многихъ въ Новороссійскомъ краѣ. Объ этомъ было писано тогда во всѣхъ нашихъ газетахъ. Одинъ паломникъ въ Константинополѣ встрѣтился со ста двадцатилѣтнимъ Запорожцемъ, Губою, братомъ Атамана, Семена Губы, умершимъ въ Турціи. Губа въ Константинополѣ имѣетъ лавки, домъ, обзавелся семействомъ. Старикъ говорилъ паломнику, что когда

Сѣчь была уничтожена, онъ съ братомъ спряталъ въ могилѣ (въ курганѣ), въ погребахъ, кладъ. «Иди, говорилъ старикъ паломнику, въ Соколы (нынѣшній Вознесенскъ), найди, гдѣ перевозились черезъ Богъ рѣку въ Очаковъ; тутъ могила, а по сосѣдству крестъ, но крестъ поставленъ только для примѣты, подъ крестомъ никто не похороненъ. Стань на верху могилы лицомъ къ кресту и отмѣрь семь саженей, замѣтишь въ водѣ, въ канавѣ, камень, а не будетъ камня, будетъ тамъ цѣпь; цѣпь однимъ концомъ прикована къ двери погреба, а другимъ зацѣплена за руку каменной бабы, зарытой въ землю. Откопаешь двери, найдешь еще двое другихъ дверей: однѣ на восходъ солнца, другія на западъ. Онѣ ведутъ въ два другіе погреба: тутъ металлическія цѣнныя вещи, посуда, деньги серебряныя, золотыхъ нѣтъ; золотыя, чтобъ не растаскали, Семенъ Губа слилъ въ плитки.» Старикъ Запорожецъ научилъ паломника, гдѣ сыскать и ключъ и что сдѣлать при входѣ въ погребъ, по тому что тамъ устроены капканы и другія машины, которыя изрѣжутъ, изсѣкутъ, на капусту неосторожнаго.

Принялись, по словамъ паломника, отыскивать кладъ, нашли переправу черезъ Бугъ при мѣстечкѣ Ковалевкѣ, принадлежащемъ Полковнику Кирьякову, въ пятидесяти верстахъ отъ Вознесенска, нашли крестъ, и точно гроба подъ нимъ не было, нашли и могилу (курганъ), но, отмѣривши семь саженъ, уперлись прямо въ домъ Волостнаго Старшины, Ивана Заблоцкаго. Пошли распросы: какъ? что? Мать Заблоцкаго долго отнѣкивалась, не хотѣла ничего говорить, наконецъ открыла, что лѣтъ за сорокъ назадъ мужъ ея встрѣтилъ какого-то старика, котораго онъ угостилъ и который ему открылся, что онъ Запорожецъ и пришелъ еще разъ взглянуть на родныя мѣста. Въ благодарность за угощеніе Запорожецъ разсказалъ ему о кладѣ, говоря, что самъ онъ его не можетъ взять, по тому что далъ заклятье до него не касаться. Надъ самымъ кладомъ стояла тогда хата одной вдовы. Заблоцкій помѣнялся съ нею домомъ, и распространилъ эту хату вдовы такъ, что камень остался въ ней по серединѣ. Заблоцкій услалъ дѣтей вонъ, поднялъ камень, спустился въ яму, но тотчасъ вылѣзъ назадъ, сказавши женѣ, что ему не здоровится; потомъ, когда, въ слѣдъ за тѣмъ, вышелъ на панщину, скоропостижно тамъ умеръ. Думаютъ, что онъ или подорвался, или задохся отъ скопленія въ ямѣ вреднаго, испорченнаго, воздуха. Жена и дѣти послѣ этого вложили камень на мѣсто, вывели надъ нимъ перемычку и на ней устроили печь. Новый искатель, которому разсказалъ про этотъ

кладъ паломникъ, не имѣлъ права дѣлать поиски на чужой землѣ, по этому хотѣлъ снестись съ помѣщикомъ и войти въ сдѣлку съ Заблоцкими, чтобъ, въ свою очередь, произвесть розысканія объ этомъ кладѣ. Но о поискахъ его вотъ уже нѣсколько лѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ Чорномъ лѣсу и въ Чути, близъ Александріи, гдѣ въ оврагахъ были гайдамацкія кишла, также доискивались погреба; тамъ, говорили, былъ выдолбленный дубъ, наполненный спиртомъ; въ немъ сложены были Англійскія сукна, Турецкія и Персидскія шали, Дамасскія матеріи, а въ другихъ отдѣленіяхъ серебро, золото и оружіе, усыпанное драгоцѣнными камнями. Въ дверяхъ тамъ стоялъ скелетъ въ Козацкомъ жупанѣ и въ сивой смушевой шапкѣ съ кіемъ въ рукахъ.

Тутъ же будто бы на Пасху видѣли огонекъ въ полѣ, побѣжали къ нему, замѣтили человѣка, уѣзжавшаго верхомъ, который издали кричалъ: «Нехай не достанется ни мнѣ, ни вамъ!» Тѣ, которые подбѣжали къ мѣсту, гдѣ горѣлъ огонекъ, нашли послѣ этого только четыре пустыя ямки, выкопанныя крестообразно.

Есть въ восемнадцати верстахъ отъ Берислава Григорьевскій Бизюковъ монастырь; онъ возникъ уже послѣ разоренія Сѣчи, стоитъ на Запорожскомъ урочищѣ, Пропастная Балка, нынче Черпечій яръ; тутъ Запорожцы скрывали свою добычу, которую въ 1816 году указывалъ приходившій изъ Брянска монахъ Кельсій, бывшій Запорожецъ.

Въ концѣ небольшой рѣчки Жеребца, впадающей въ Донецъ, недалеко отъ Славянскаго, въ Чорной могилѣ, у которой начиналась граница Запорожскимъ землямъ, закляты Запорожскіе документы, оружіе, казна, товары, сукна, золото, серебро, пушки, мѣдные котлы.

Говорили про кладъ въ Никополѣ, на кладбищѣ.

Нѣкоторые клады и дѣйствительно найдены; такъ въ Самарскомъ монастырѣ, у города Новомосковска, при Павлѣ I, Діаконъ Жадовскій выкопалъ въ монастырской оградѣ кубышку съ золотомъ и серебромъ на 1400 рублей. Тамъ же начальникъ монастыря, разбирая испорченные большаго калибра башенные часы съ боемъ, нашелъ въ нихъ желѣзный ящикъ съ 340 Голландскими червонцами.

На правомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ двухъ отъ главнаго порога Ненасытца, есть Войсковая Балка; на самой течеѣ ручья,

нашли много червонцовъ. Думаютъ, что тутъ была Запорожская скарбница, т. е., казначейство.

Что касается до Запорожскихъ пѣсенъ... впрочемъ, пѣсни эти принадлежатъ всему Днѣпровскому Козачеству, всей Украйнѣ, всему Южнорусскому народу, и поются начиная отъ Галиціи и Карпатскихъ горъ до Дауріи; но Запорожье внесло въ нихъ свой значительный кладъ, въ особенности историческими думами. Въ этихъ пѣсняхъ-думахъ воспѣваются ихъ подвиги—это ихъ исторія. Воспѣваются походы, зачатые въ такой тайнѣ, что «тôлько Богъ Святый знае, що Наливайко, або Хмельницкій, думае, гадае;» воспѣвается прощанье Козака съ родными, который, на вопросъ сестры: «Коли, брате, зъ вôйска прійдешъ?» отвѣчаетъ: «Вôзьми, сестро, пѣску жменю (горсть), посѣй ёго на каменю, ходи къ ёму зôроньками, поливай ёго слёзоньками: коли, сестро, пѣсокъ зыйде, тодй братъ твôй зъ вôйска прійде;» представляется славная смерть ихъ въ бою, откуда вывозили ихъ изрубленными, изсѣченными, покрытыми червоною китайкою, заслугою Козацкою; погребеніе витязя въ полѣ товарищами, которому, для могилы его, суходолъ саблями копали, въ память его надъ его семиперстной могилой изъ семипядныхъ пищалей стрѣляли, въ трубы играли, славу Козацкую выхваляли; поется взволнованное тайнымъ грѣхомъ одного Козака Черное море, готовое за то поглотить ихъ всѣхъ, и раскаяніе исповѣдника, которое вдругъ умиряетъ это волненіе; прославляются ихъ богатыри: Богданко, Серпяга, Свирговскій, Подкова, Хмельница, Палѣй, Гордѣенко и другіе. Въ думахъ, называемыхъ бандуристами «невольницкою псальмою,» поется смерть Козаковъ въ плѣну, въ которомъ, въ пору гоненія за вѣру, ихъ жгли, колесовали; смерть въ бѣгствѣ изъ плѣна, когда одинъ братъ умираетъ въ пустынѣ съ голоду, а остальныхъ двухъ рубятъ Басурманы; разсказывается трогательная судьба Украинской плѣнницы, доведенной мученьями до принятія Магометанства, какъ она объявляетъ Козакамъ плѣнникамъ свѣтлый праздникъ, Великъ-День, какъ освобождаетъ ихъ изъ неволи; поется о враждебной, пустой и безводной степи, которая губитъ жаждою и голодомъ плѣнника, бѣжавшаго изъ вражеской каторги; поется о томъ, какъ глаза его вынимали и выпивали орлы-чернокрыльцй, кости его разнимали и разносили волки-сѣроманщй и т. д.

Малороссійскія пѣсни чаруютъ не одною поэзіей словъ, чаруютъ и поэзіей голосовъ. Независимо отъ содержанія, ритмической рѣчи, или, какъ называютъ стихи по Малорусски, «кованого

слова,» а по Великорусски «краснаго склада,» — пѣсни эти, какъ отзываются о нихъ знатоки гармоніи, поразительны и по пѣвучести, по сердечности общаго тона, по хрустальной прозрачности звуковъ, простотѣ въ сочетаніяхъ аккордовъ, дѣтскому простодушію. Въ рисункѣ ихъ много мелодичной красоты и выразительности; иногда въ нихъ музыкальная правда чувства высказывается, какъ у великихъ композиторовъ, двумя, тремя нотками пѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ не согласуются съ классическими правилами гармоніи—имѣютъ особые, своеобразные оттѣнки интерваловъ (четверти тона), но этимъ онѣ, по словамъ нашихъ знатоковъ, даютъ какіе-то новые законы въ музыкѣ. Человѣку Итальяно-Нѣмецкаго музыкальнаго образованія * въ Малороссійской пѣснѣ нѣкоторые звуки покажутся шероховатыми и угловатыми, не подходящими подъ его теорію; онъ, пожалуй, не прочь посягнуть исправить ихъ, но въ этихъ-то кажущихся неправильностяхъ и заключается характерность пѣсни, неразрывно связанная съ внутреннимъ ея содержаніемъ; уничтожить ихъ значитъ уничтожить все ея достоинство.

Можетъ статься, многіе изъ звуковъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ достались намъ преемственно изъ глубокой древности. Изстари, сколько запомнитъ исторія, нашъ Новороссійскій край, стоящій на распутьи между Европой и Азіей, подвергался нашествію разныхъ дикихъ ордъ, страдалъ отъ нихъ; а гдѣ страданье, безсильное постоять за себя дѣломъ, тамъ оно выражается словомъ и звукомъ. Регенсбургскій Еврейскій Раввинъ Петахья, проѣзжавшій въ здѣшнихъ мѣстахъ въ началѣ XII вѣка, разсказывалъ, что здѣсь, въ единовѣрной тогда съ ними Хазаріи, матери учили дочерей плачевнымъ пѣснямъ, и онѣ безпрестанно рыдали по ночамъ. Въ удѣльный періодъ Руси жилъ на чужбинѣ, бѣжавшій изъ родины, одинъ Половецкій Князь, жилъ онъ на чужой сторонѣ уже много лѣтъ, обзавелся тамъ и семьей. Друзья-Половцы, желая возвратить его къ себѣ и посылая къ нему посла, наказали посланцу, чтобы онъ, приглашая Князя на родину, когда тотъ не будетъ соглашаться, между прочимъ запѣлъ бы ему Половецкую пѣсню и далъ «поухати зелья.» Князь дѣйствительно сперва не соглашался на зовъ, но когда посланецъ запѣлъ ему родную нѣсню, пѣсню полей, и далъ поухати зелья, Князь встре-

* Говоритъ А. Н. Сѣровъ. Основа 1861 г.

пенулся, заплакалъ и бѣжалъ въ свои Половецкія вежи, бросивъ жену, дѣтей, бросивъ все: «оному же обуховшю и восплакавшю, рче: «Да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти!» и приде въ свою замлю».... (Ипат. лѣтоп. годъ 1200); о Половецкихъ гудцахъ (пѣвцахъ) упоминается въ лѣтописяхъ, (тамъ же гудецъ Оревъ); о пѣсняхъ говорится и въ Словѣ о Полку Игоревѣ, какъ дѣвы Готскія пѣли о славныхъ временахъ Бусовомъ и Шароканя: «Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю; звоня Рускимъ златомъ, поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю.» Но если многіе изъ звуковъ древнихъ инородцевъ могли быть родоначальниками Южно-Русскихъ пѣсенъ, преемственно перейти къ намъ, то слова, которыми сопровождаются звуки, дѣйствія и образы, въ нихъ представляемые съ такой увлекательной поэзіей,—чисто наши родныя, Украинскія, и изъ нихъ боевыя думы—особенная принадлежность Запорожья.

Замѣчательная, по своему своеобразному зодчеству, Запорожская церковь находится въ городѣ Новомосковскѣ, Екатеринославской Губерніи. Новомосковскъ, при Запорожскомъ владѣніи былъ поперемѣнно городкомъ Самарой, селомъ Самарчукомъ, мѣстечкомъ Новоселицей, слободой Новоселовкой. Мѣстные и окрестные жители, да и всѣ проходящіе изъ Малороссіи на Югъ косари и чумаки, и теперь Новомосковскъ называютъ Самарью. Онъ и стоитъ на рѣкѣ Самарѣ или, вѣрнѣе, на рукавѣ ея, Самарчукѣ Во время Запорожья мѣстность Новомосковска принадлежала Самарской ихъ паланкѣ. Запорожцы, по возвращеньи изъ подданства Крымскаго Хана, стали заводить у себя паланки (съ 1734 г.), родъ Уѣздовъ или военныхъ округовъ, какъ для людей постоянно носившихъ оружіе, но которые жили внѣ Сѣчи, для табуновъ, для промысловъ, такъ и для мирныхъ поселянъ-плугарей, которыми съ разныхъ сторонъ стали наполняться Запорожскія земли. Въ послѣднее время своего существованья, Запорожье раздѣлено было на восемь такихъ паланокъ; изъ нихъ Самарская паланка была самая богатая. Въ нее входили земли нынѣшнихъ Уѣздовъ Новомосковскаго и частію Павлоградскаго и Александровскаго, главное населеніе преимущественно было по Самари. Рѣка Самарь, или Самара, долго была южною границей Украйны, а послѣ ея соединенія съ Россіей, и южная граница всего Русскаго Государства подвинулась отъ Бѣлгородской черты также до Самари и верховьевъ Калміуса. Она судоходна только въ устьѣ, но въ 1864 году одно судно въ полую воду про-

бралось и въ городѣ Новомосковскѣ. Еще въ первую половину XVII вѣка, Французъ Боплант, описывая Украйну, замѣтилъ, что окрайны Самары чрезвычайно богаты, какъ едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ, медомъ, воскомъ, дичиной, строевымъ лѣсомъ, что сама Самарь очень обильна рыбой, и что Козаки называли ее святою рѣкой. Недостатокъ былъ только въ соли, такъ что рыбаки пересыпали свою рыбу золою, или сушили для сбереженія. Самарскій лѣсъ шелъ тогда на постройки въ крѣпости Койлакѣ. Послѣ возстанія Остряницы (1638) вплоть до Богдана Хмельницкаго, или, какъ называютъ въ народѣ, до Великой Руины, Самарь была отдана Поляками въ аренду Евреямъ, какъ поется въ думѣ о гнетѣ Украины Жидами-арендарями, изгнанными при Хмельницкомъ:

На славной на Украинѣ,
всѣ Козацкія рѣки заарендовали:
Перва на Самари,
Друга на Саксагани,
Третья на Гнилой, и проч.

Во время Хмельницкаго рѣка Самарь принадлажала Трахтемировскому монастырю, который былъ въ его время войсковымъ. Тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Посамарья кочевали Ногайцы. Когда Хмельницкій началъ войну съ Польшей, отсюда шли къ нему дикіе лугаре или лѣсные гайдамаки. Послы Царя Ѳедора Алексѣевича, Тяпкинъ и Никита Зотовъ, проѣзжая въ 1680 году въ Крымъ, нашли за Самарой выженную степь, великія озера, и были здѣсь въ опасности отъ воровскихъ Козаковъ, Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ и Калмыковъ. Козацкій Атаманъ, Андрей Ляхъ, не за долго предъ тѣмъ ограбилъ въ здѣшнихъ степяхъ Московскаго купца, Змѣева, шедшаго караваномъ въ Крымъ.

Названіе Самара и Самарчикъ часто встрѣчается въ разныхъ концахъ свѣта; въ Житіи нѣкоторыхъ Христіянскихъ подвижниковъ (въ Житіи сорока двухъ Амморейскихъ мучениковъ, въ Житіи Павла Аѳонскаго и другихъ) упоминается большой Сарацинскій городъ Самара на Евфратѣ. Съ Ермакомъ имѣлъ бой и погибъ въ битвѣ одинъ изъ отдѣльныхъ вождей въ Сибири, Остяцкій Князь Самара. Самара есть особый утесъ-отрогъ или возвышенность на Аѳонской Горѣ. Губернскій городъ Самара за Волгой на рѣкѣ Самарѣ находится въ степяхъ, принадлежавшихъ прежде

разнымъ инородцамъ Монгольскаго племени. Рѣка Самарчикъ была также и въ Крыму.

Очевидно, это слово было далеко распространено у разныхъ племенъ Тюркскаго и Татарскаго происхожденія. По Турецки Самара значитъ воловье ярмо. Судя по этому, можно полагать, что здѣсь, въ Присамарьи, на поляхъ Новомосковскихъ, издавна занимались хлѣбопашествомъ: волъ въ ярмѣ и пашня сродни межь собой. Дѣйствительно, историки говорятъ, что еще Скиѳы занимались на здѣшнемъ черноземѣ хлѣбопашествомъ и разведеніемъ знаменитыхъ бѣлыхъ (Царскихъ) коней.

Прошедшее Посамарья, во время Запорожья, было несчастно и кроваво: лѣтописъ замѣтила черные 1688, 1690, 1756 и 1760 годы чумы; 1772—годъ наводненій; 1639, 1737 и 1769—годы набѣговъ и мѣстнаго плѣна. Здѣсь, какъ и теперь, шелъ чумацкій шляхъ (дорога) и пролегалъ большой трактъ изъ Крыма на Русь. Онъ верстъ на восемдесятъ длиннѣе прямаго пути на Екатеринославъ и Никополь, но имъ избѣгаютъ двухъ переправъ черезъ Днѣпръ и Екатеринославскихъ пѣсковъ. По этому степняки, дѣлая набѣги на Русь, зачастую пробирались этимъ путемъ, и отъ того здѣсь были не одинъ разъ кровавыя стычки. Здѣсь бывало не рѣдко дикій кочевникъ тащилъ нанизанными на шестѣ, продѣтомъ сквозь связанныя руки, несчастныхъ Русскихъ и Польскихъ плѣнниковъ, погоняя ихъ нагайкой, и они слезами и кровью обливали послѣдній рубежъ родной земли, какимъ была тогда Самара. Здѣсь и на рѣкѣ Углѣ (нынѣшняя Орель) въ 1152 году Мстиславъ Изяславичъ съ Черными Клобуками разбилъ Половцевъ (Кумановъ), и многихъ Христіянъ избавилъ отъ неволи. Здѣсь знаменитый Украинскій Гетьманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный въ 1616 году жестоко побилъ Татаръ, грабившихъ Украйну. Вызванный съ береговъ Дуная и Днѣстра, гдѣ онъ одерживалъ тогда побѣды надъ Турками, Кошевымъ Дурдилой, которому не подъ силу была война съ Крымцами, Конашевичъ-Сагайдачный подстерегъ ихъ при возвратѣ изъ Самары, на разсвѣтѣ. Въ таборѣ ихъ было множество Русскаго ясыру (плѣнныхъ); плѣнные, пользуясь случаемъ, развязывали другъ друга, схватывали копья и сабли Татарскія, уставленныя на ночь въ кучи, и такимъ образомъ помогали истребить всѣхъ Татаръ до единаго. Здѣсь Крымскій Ханъ Магометъ въ 1655 году напалъ со всею своею ордою на Наказнаго Гетьмана Томиленка, который въ этой несчастной битвѣ и сложилъ

свою голову. Послѣ несчастныхъ Чудновскихъ условій, Татары вели тысячи Русскаго ясыру въ плѣнъ, въ томъ числѣ и плѣннаго Шереметева; въ Октябрѣ 1660 года переправлялись они черезъ Днѣпръ близъ устья Самары. Удалый Запорожскій Кошевой Атаманъ Сѣрко напалъ тутъ на Крымцевъ, и отнялъ у нихъ множество Русскимъ плѣнныхъ. При Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ здѣсь шелъ на Крымъ Князь Голицынъ; ему, въ оба похода его туда, Самарь послужила роковою гранью: въ первый, въ 1687, Крымцы неожиданно зажгли сухой ковыль и камыши въ безконечныхъ степяхъ за Самарью, попортили воду мертвечиной, и заставили такимъ образомъ его вернуться назадъ съ урономъ въ людяхъ и лошадяхъ по недостатку воды и кормовъ; во второй походъ, въ 1689 году, когда онъ дошелъ до Перекопа, Крымскій Ханъ Селимъ подкупалъ его, склоняя къ миру, далъ ему цѣлый бурдюкъ червонцевъ (на половину фальшивыхъ) и протянулъ время въ переговорахъ; а когда Голицынъ, отъ недостатка въ продовольствіи, съ изнуренными войсками поворотилъ назадъ, Татары преслѣдовали его до самой Самары, по которой тогда Окольничимъ Леонтіемъ Семеновичемъ Неплюевымъ построено было 7 мостовъ. Война эта предпринималась въ связи съ дѣйствіями Польши и Цезаря противъ Турокъ, и хотя исходъ ея для Россіи былъ не блистателенъ, но за такое содѣйствіе Польскій Король, Янъ Собіевскій, обливаясь слезами, подписалъ договоръ, по которому Польша навсегда отказалась отъ Смоленска, Кіева, Чернигова и всей Малороссіи съ 56 городами, завоеванными Россіей въ 1654 и 1655 годахъ. Въ войну Турціи съ Россіей, въ 1737 году, здѣсь Фешъ-Гирей разорилъ всѣ Самарскія села. 6-го Сентября, 1669 года, Татары, прорвавшись сквозь порубежную стражу, пожгли здѣсь Запорожскіе зимовники, пустили пожары по степи, попавшихся жителей захватили въ плѣнъ, а пикинерамъ-стражникамъ уши, икры и подколѣнки рѣзали.

Но, не смотря, однако жь, на минувшую, часто печальную, судьбу Посамарья, въ Южно-Русскихъ думахъ и вообще въ народѣ Самарь осталась навсегда завѣтною, желанною, рѣкой. Самарь изъ числа тѣхъ любимыхъ Запорожскихъ рѣкъ, которыя назывались:

Рѣчки низовыи,
Помощницѣ Днѣпровыи.

Сюда, поется въ Украинскихъ пѣсняхъ, стремились Козаки,

бѣжавшіе изъ Турецкаго и Татарскаго плѣна—на рѣчку Самарку, къ высшимъ степямъ Самарскимъ, къ славной Запорожской Савуръ-могилѣ. Есаулъ Ѳедоръ Безродный, умирая изрубленный, изсѣченный, просилъ своего джуру (оруженосца) сходить къ рѣчкѣ Самаркѣ взять воды, согрѣть и промыть его смертельныя раны. Въ одной пѣснѣ отецъ спрашиваетъ: «Где твоя, сыну, доля?

— А чи въ Сули, чи въ Самари, чи въ тихомъ Дунаѣ?

Въ другой поется:

Ой ты, Днѣпре, ой ты, батьку мой,
Скажи правду да Самарьскую!

На Самари есть одно мѣсто близко парома, въ Новомосковскѣ: оно называется Чернечье пекло. Давно когда-то нѣсколько монаховъ переправлялись черезъ Самарь въ лодкѣ: набѣжалъ вихорь, лодка опрокинулась, и они всѣ пошли ко дну. Народъ, на своемъ образномъ языкѣ, назвалъ это мѣсто «Чернечьимъ пекломъ.»

Поселенія на Самари довольно древни. Въ грамотѣ Баторія, которая дана была еще въ 1576, упоминается уже старинный Запорожскій городъ Самарь. Послѣ проиграннаго дѣла Павлюка, въ возстаніи его противъ Поляковъ (1637), нѣкоторые Козаки отдались Крымскому Хану и поселились здѣсь, по Самари.

Въ войну Россіи съ Крымомъ, при Царевнѣ Софіи, въ 1688 году, построено Неплюевымъ, при впаденіи Самары въ Днѣпръ, вблизи его пороговъ, на урочищѣ Сорокъ Бояраковъ, Богородицкая крѣпость, она же и Усть-Самара. На эту мѣстность, какъ на важный военный пунктъ, указали Русскому Правительству Тяпкинъ и Зотовъ, замѣтившіе ее при проѣздѣ своемъ въ Крымъ. Постройка Богородицкой крѣпости, не смотря на увѣренія Русскаго Правительства, что крѣпость эта служитъ для защиты Россіи, въ томъ числѣ и Запорожья, отъ Крымцевъ и для опоры при будущихъ противъ нихъ военныхъ дѣйствіяхъ, очень взволновала Сѣчевиковъ: они видѣли въ этомъ грозу противъ себя. Кошевой ихъ, Иванъ Гусакъ, сильно за то вознегодовалъ на Мазепу, такъ какъ тотъ, за полученіе Гетьманства, допустилъ ея постройку. Кошевой по этому случаю написалъ Гетьману отъ имени Коша такую писулю, что тотъ въ отвѣтъ хотѣлъ послать на Сѣчь свои полки, и только по тому не послалъ, что тамъ открылась чума. Богородицкій горо-

докъ былъ первымъ независимымъ поселеніемъ Велико-Россіянъ въ здѣшнемъ краѣ. Уже на первыхъ порахъ онъ имѣлъ Воеводскій домъ, съ амбарами для полковыхъ и хозяйственныхъ запасовъ, 50 избъ для служилыхъ людей, да окрло города нѣсколько жилыхъ строеній для желающихъ селиться, имѣлъ окопъ съ карауль-ными и проѣзжими башнями. Въ 1692 г. бѣглый Канцелярист, Малороссійской Генеральной Канцеляріи, Петрикъ, навелъ Татаръ на Усть-Самарь, и они выжгли селенія вокругъ Богородицка. Петръ I-й возобновилъ эту крѣпостцу: она была земляная, версты четыре въ окружности. Въ это время поселились при устьѣ Самары Московскіе селитренники выдѣлывать здѣсь селитру. Между ними и Запорожцами пошли ссоры. Запорожцы жаловались Гетьману Мазепѣ, что селитренники не платятъ имъ за землю, и, въ 1704 году взбунтовавшись, разорили эти заводы.

Въ Шведскую войну Запорожцы настоятельно требовали у Петра Самарскихъ и другихъ городовъ съ его гарнизономъ, построенныхъ на Запорожскихъ земляхъ. Получивъ отказъ, они, съ Кошевымъ Гордѣенкомъ, приняли сторону Гетьмана Мазепы и съ нимъ передались Карлу XII. Но, въ слѣдъ за тѣмъ по Прутскому миру земли южнаго берега Самары уступлены Туркамъ, и тогда (въ 1711 году) и Самарскіе городки разорены. По уходѣ Запорожцевъ съ Гордѣенкомъ къ Туркамъ Самарскія волости (поселенія) причислены были къ Малороссіи, къ ея Миргородскому полку. За годъ до перваго возвращенія Запорожцевъ въ Россію (изъ подданства Крыма), Татары занимали Усть-Самарскій ретраншаментъ, то есть, Богородицкую крѣпость (1733). Возвратясь въ Россію, Запорожцы приступили къ устройству паланокъ (1734). Тогда они поселились, между прочимъ, по прежнему и на Самарѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ устья ея. Въ то же время возстановленъ ими перевозъ черезъ Самару, и древній войсковой Пустынно-Николаевскій монастырь, который находится здѣсь среди прекраснаго вѣковаго дубоваго лѣса. Запорожцы ѣздили въ этотъ монастырь говѣть, нѣкоторые изъ Старшинъ доживали въ немъ свой вѣкъ. Нынче монастырь обращенъ въ загородный домъ Екатеринославскихъ Архіереевъ и находится въ бѣдномъ положеніи. При Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, за набѣги и плѣнъ Русскихъ областей подвластными Турціи Татарами, которыхъ Турція не удерживала, объявлена была ей война, такъ какъ время было благопріятно для того: Турція вела неудачную для нея войну съ Персіей; тогда отъ Самари, 1 Октября, 1735 г., по-

велъ свои войска на Крымъ Генералъ Леонтьевъ. Въ слѣдующемъ году, начиная отъ монастыря до устья Самары, построено арміею Миниха нѣсколько редутовъ и возобновленъ ретраншаментъ Усть-Самарскій, вѣроятно, разоренный и оставленный Татарами. Въ 1742 году Усть-Самара входитъ въ число восьмнадцати крѣпостей, связанныхъ цѣпью 140 редутовъ, что все вмѣстѣ составило Старую или Украинскую Линію. Въ началѣ второй половины прошлаго вѣка, по Самарѣ, на 25-ти верстномъ ея протяженіи, вверхъ отъ ея устья, были: Усть-Самара, Старая Самара и Пѣсчаная Самара. * Усть-Самара осталась крѣпостью и по упраздненіи Украинской Линіи, но въ 1783 г., такъ какъ границы Имперіи раздвинулись, и Усть-Самара сдѣлалась внутреннимъ городомъ, крѣпость въ ней была уничтожена, артиллерія ея передана въ Кинбурнъ и другіе города, и сдѣланъ былъ изъ нея городъ Новомосковскъ 1-й.

Мѣстечко Новоселица, надо полагать, было выселокъ Пѣсчаной Самары и называлось на правительственомъ языкѣ Новоселицей, въ народѣ же посило имя Самари и Самарчука. 28 Апрѣля, 1755 г., по распоряженію Графа Румянцева, въ Новоселицѣ учреждена почтовая станція по дорогѣ изъ Полтавы въ Керчь. Въ 1769 году, по приказанію Графа Панина, назначенъ былъ здѣсь, кромѣ другихъ мѣстъ, военный постъ или пикетъ (по Запорожски бекетъ) для наблюденія за непріятелемъ, днемъ на курганахъ, а ночью— зажигая маяки (фигуры, хворпосты) изъ смоляныхъ бочекъ. По упраздненіи Запорожья, Новоселица вошла въ Екатеринославскій Уѣздъ Азовской Губерніи, подъ именемъ слободы Новоселовки; позднѣе называлась военнымъ селеніемъ Новоселицей, когда была здѣсь непремѣнная штабъ-квартира Полтавскаго пикинернаго полка. Въ 1794 году переведенъ сюда Уѣздный городъ Новомосковскъ, перенесенный изъ Усть-Самары, сперва на мѣсто при впаденіи р. Кильчени въ Самарь, въ сосѣдство нынѣшней Лозово-Севастопольской желѣзной дороги, гдѣ прежде былъ Екатеринославъ I, а Екатеринославъ I переведенъ былъ въ ту пору на нынѣшнее его мѣсто, на правый берегъ Днѣпра. Такимъ образомъ Новомосковскъ испыталъ три осѣдлости и три переселенія.

Новомосковскъ въ настоящее время городъ самъ по себѣ незначительный; жителей въ немъ до одиннадцати тысячъ, но въ эту цифру вошли и жители примыкающихъ къ нему селеній, Во-

* Какъ показано на картѣ Добоскета.

роновки и Животиловки. Народонаселеніе Малороссійское съ примѣсью процентовъ десяти Евреевъ: имъ селиться разрѣшено въ Новороссіи съ 1763 года. Чрезъ Новомосковскъ идетъ большая почтовая дорога изъ столицъ въ Одессу, въ Крымъ, и особая, чумацкая, также на Крымъ, на Донъ и къ Азовскому морю. Устройство Новомосковска общее всѣмъ Уѣзднымъ городамъ; Уѣздное училище существуетъ въ немъ съ 8 Ноября, 1807 года, при коемъ приходское училище, и заведена съ 1866 года публичная Библіотека. Кромѣ того, имѣется Еврейское казенное училище перваго разряда и нѣсколько частныхъ Еврейскихъ школъ, содержимыхъ меламдами. Въ 1875 г. учрежденъ общественный банкъ. Постройки въ Новомосковскѣ деревянныя; каменныхъ не больше десяти. Планъ города утвержденъ 14 Іюля, 1823 года. Новомосковскъ потерпѣлъ отъ большихъ наводненій въ 1820 и 1835 годахъ, и отъ двухъ сильныхъ пожаровъ, въ которыхъ сгорѣло: 6 Іюня, 1845 года 53 дома и 77 разныхъ хозяйственныхъ построекъ, и 24 Августа, 1863 года—63 дома и 16 лавокъ, безъ малаго на 312,000 рублей. Пожаръ 1863 года, какъ слухи носились, начался отъ папиросы: ее будто бы курилъ мальчикъ въ лавкѣ; завидя издали хозяина, онъ ее запряталъ въ испугѣ въ хлопчатую бумагу, а потомъ и позабылъ. 7 Августа, 1873 г., сгорѣли на ярмаркѣ балаганы и лавки. Новомосковскъ имѣетъ салотопенные, воскобойные и кожевенные заводы. Общая сумма ихъ производства за 200,000 руб. въ годъ. Одинъ кожевенный заводъ вырабатывалъ на пятнадцать тысячъ. Славится Новомосковскъ въ окрестностяхъ своею Спасовскою ярмаркой; народъ называетъ ее столичною, по тому что главный предметъ продажи на ней—скотъ для столицъ и лошади для ремонта войскъ, что составляетъ сумму до трехсотъ тысячъ рублей.

Какъ память бывшей въ Новомосковскѣ Самарской Запорожской паланки, остались двѣ высокія могилы казненныхъ по ея суду преступниковъ: одна въ самомъ городѣ, у Еврейской синагоги, какого-то Джигиря, а другая, въ полуверстѣ отъ Новомосковска, по Екатеринославской дорогѣ, у Еврейскаго же кладбища—Каленикова могила. Каленикъ, отъ котораго могила получила названіе, былъ на ней посаженъ на «гостру палю» (острый колъ).

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія были еще въ Новомосковскѣ старые люди, которые сами видѣли въ дѣтствѣ казнь Каленика и такъ разсказывали о ней:

Прежде Каленика, за день, или за два, повѣшенъ былъ здѣсь какой-то знатный Запорожскій Старшина, по прозванію Сторчай, человѣкъ богатый и холостой. Когда его вели на казнь, по немъ, какъ по мертвомъ, звонили въ колокола; Священники сопровождали его съ крестами и хоругвями, останавливались нѣсколько разъ, читали Евангеліе, совершали литію, и онъ каждый разъ подходилъ и подклонялъ голову подъ Евангеліе. Предъ висѣлицею онъ раскланялся во всѣ стороны, просилъ у всѣхъ прощенія и именемъ Бога поклялся въ своей невинности. Дѣйствительно, только что его повѣсили, прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ, что онъ невиненъ и съ приказаніемъ освободить его, но Сторчай уже сторчалъ (былъ мертвъ).

Каленикъ, посаженный на колъ, три дня былъ живъ, и все просилъ пить, но никто, подъ страхомъ смертной казни, не смѣлъ подать ему воды. Тѣло его оставалось въ такомъ положеніи шесть недѣль и до того высохло, такъ сдѣлалось легко, что, при небольшомъ вѣтрѣ, вертѣлось на колѣ, какъ дѣтская мельница.

Не смотря на то, что Правительство запретило Запорожскому Кошу смертныя казни, онѣ случались въ немъ и въ его паланкахъ до самаго паденія Сѣчи.

Въ Самарской паланкѣ, кромѣ Каленика, Джигиря и Сторчая, казнены были: въ 1746 году Козакъ Сухій, который за воровство кіями до смерти забитъ, и Павло Щербина, который былъ повѣшенъ.

Въ пяти верстахъ отъ Новомосковска находился войсковой Запорожскій мостъ; черезъ него прежде шли чумаки въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ показывали его сваи; теперь уже, кажется, и свай не видно. Близъ этого мѣста также наказывали преступниковъ.

Разсказываютъ о какомъ-то несчастномъ Священникѣ: сынъ его учился въ Кіевской, или Переяславской, Семинаріи и былъ чуть ли не въ богословіи. Но тутъ онъ вздумалъ вкусить разгульной жизни и бѣжалъ, какъ часто это водилось тогда, на Запорожье; дорогой встрѣтился онъ съ гайдамаками и, не зная промысла ихъ, присталъ къ нимъ, по тому что они назвались Сѣчевиками и обѣщали привезти его въ Сѣчь. Вдругъ ихъ схватили и присудили за разныя убійства къ смертной казни, въ томъ числѣ, какъ сообщника, и бѣднаго молодаго человѣка. Отецъ его, бывшій Священникомъ Кіевской Епархіи, узналъ чрезъ кого-то объ этомъ, бросился къ Кошевому и, обливая ноги его слезами,

разсказалъ о невинности сына. Кошевой ту жъ минуту послалъ съ Козакомъ свой перначъ (булаву) пріостановить казнь юноши, но было уже поздно: отецъ получилъ съ висѣлицы еще теплый трупъ сына.

Другому отцу выпала еще ужаснѣйшая доля: на него возложили собственноручно повѣсить на желѣзный крюкъ, за ребро, своего сына («на гакъ зачепити»). Несчастный дрожалъ, плакалъ и не рѣшался приняться за дѣло: «Прорѣжь тутъ, старая собака, да и надѣнь на крюкъ!» говорилъ ему ожесточенный сынъ разбойникъ, указывая на свой бокъ: «Не умѣвъ учить змала добру, такъ катуй (казни) свое порожденье!»

Было въ обычаѣ Запорожья иногда давать преступнику, который приговоренъ къ смертной казни, прощеніе, если какая ни будь изъ мѣстныхъ дѣвушекъ рѣшалась выйти за него замужъ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ однажды въ Новомосковскѣ, когда въ немъ была Самарская паланка, вели Запорожца на висѣлицу; его встрѣчаетъ дѣвица подъ бѣлымъ покрываломъ, и всенародно объявляетъ, что хочетъ выйти за него замужъ. Преступникъ, какъ требовалъ этого тотъ же старосвѣтскій обычай, самъ подымаетъ у ней покрывало, смотритъ и, опуская его назадъ, сказалъ: «Якъ мати таку дзюбу вести до шлюбу (къ вѣнцу), лепше на шыбеницѣ дать дубу,» т. е., «чѣмъ такую рябую къ вѣнцу весть, лучше на висѣлицѣ въ петлю лѣзть!» И велѣлъ вести себя для исполненія приговора.

Церквей въ Новомосковскѣ три, деревянныя (четвертая, кирпичная, оканчивается). Замѣчательнѣйшая, о которой здѣсь идетъ рѣчь, носитъ названіе Свято-Троицкаго собора. Этотъ своеобразный памятникъ Запорожскаго усердія къ вѣрѣ находится на большой базарной площади.

Церковь состоитъ изъ девяти золотоглавыхъ башенъ, каждая о четырехъ ярусахъ; башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда, и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ, и изъ среднихъ центральная, главная, еще выше. Все это въ общемъ составило фигуру изъ девяти конусовъ до того правильную, что съ какой бы вы точки ни глядѣли на нее, она отовсюду представляетъ замѣчательную гармонію. Самое соединеніе этихъ башенъ заслуживаетъ вниманія: сложенныя изъ сосновыхъ и частію дубовыхъ брусьевъ, въ отрубѣ отъ шести до десяти вершковъ, почти нигдѣ не скрѣпленныхъ гвоздями, онѣ служатъ одна опорою другой на основаніи равно-

вѣсія, угаданнаго съ замѣчательною вѣрностью. Никакихъ поддерживающихъ колонъ, никакихъ подставъ и подпоръ внутри нѣтъ, извнѣ—то же. Высота ея за тридцать, а окружность около пятидесяти восьми саженъ; фундаментъ кирпичный. Колокольня построена послѣ, совершенно отдѣльно, на значительномъ разстояніи. Все это обведено оградой. Маковки собора и колокольни были выкрашены зеленою краской, но въ тридцатомъ и тридцать первомъ годахъ, при починкѣ, вызолочены всѣ главы. При этомъ одинъ мастеровой поплатился жизнью, упавъ съ самой вершины церкви. Иконостасъ былъ сначала съ фестонами, завитками, со всѣми хитростями столярнаго искуства. Образа хорошаго письма; нѣкоторые писаны были на золотомъ фонѣ въ Византійскомъ родѣ. Когда Запорожскій Старшина Головатый былъ въ Москвѣ, какой-то живописецъ, ученикъ извѣстнаго Левицкаго, крѣпостной человѣкъ Княгини Долгорукой, искалъ, черезъ Головатаго, работы въ Запорожьѣ. Можетъ статься, онъ и поставилъ этотъ иконостасъ. Нынѣ всѣ мѣстныя иконы оправлены въ серебряные и золотые оклады, или, по здѣшнему выраженію, ш а т ы.

Была здѣсь икона и нѣсколько церковныхъ вещей, пожертвованныхъ еще во время Запорожья; икону, представляющую соборъ Апостоловъ, пожертвовалъ Батуринскій Козакъ Иванъ Терещенко въ 1774 году; Евангеліе въ зеленомъ бархатѣ, въ серебрѣ, пожертвовано Козакомъ Лаврентіемъ Плихою въ 1750 году. Риза зеленой парчи, съ бархатнымъ оплечьемъ, обложенная золотымъ газомъ съ подбоемъ изъ краснаго кумача, пожертвована въ 1761 году. Серебряная чаша съ пестрою позолотой, отъ Козака Ѳедора Колотнечи, въ 1766 году. По отзыву отца Оранскаго, были въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка еще кой-какія старинныя вещи.

Изъ новыхъ вещей церковь имѣетъ плащаницу цѣнной работы, богатыя облаченія и разную церковную утварь приличной отдѣлки. *

Въ прежнее время мѣстныя иконы на пятой недѣлѣ Великаго Поста (на Похвалу) живописно убирались разноцвѣтными шел-

---

* Можетъ статься, все это въ настоящее время перенесено уже изъ этой церкви въ новую каменную. Плащаница, приношеніе купца Петренка, замѣчательный трудъ монахини Кіевскаго Флоровскаго монастыря, Евстоліи Борзиловской, уроженки города Новомосковска.

ковыми платками. Сложенные въ видѣ головной повязки, одинъ на другомъ, они составляли изъ себя ярко-пестрые столбы, обрамливавшіе образа, на подобіе витыхъ, такъ называемыхъ, Соломоновскихъ, колонокъ въ иконостасахъ.

Въ соборѣ три престола: средній — Св. Троицы, правый — Апостола Петра, и лѣвый—Трехъ Святителей.

Постройка Новомосковскаго собора вообще съ иконостасомъ и прочими работами, какъ показывала опись, стоила 16,785 р. 71 к.

Колокольня съ колоколами составила особую цѣнность. Изъ колоколовъ самый большой въ 262 пуд. 24 ф.; онъ одинъ цѣнился въ 7,220 руб. Въ дѣтствѣ слышалъ я отъ кого-то, что одинъ изъ этихъ колоколовъ пожертвованъ Потемкинымъ, но потомъ ни отъ кого нигдѣ не случалось мнѣ слышать подтвержденія этого.

Новомосковскъ, въ то время, какъ начатъ здѣсь постройкой Троицкій соборъ (это было за два года до паденія Сѣчи), назывался, какъ упомянуто выше, мѣстечкомъ Новоселицей; тамъ находилось тогда паланочное управленіе съ Канцеляріей Самарской паланки и жилъ начальникъ ея, Подковникъ, иначе Сердюкъ. Гербъ Самарской паланки: левъ подъ короною на заднихъ лапахъ, упирающійся передними на столъ, на которомъ корона, къ столу приставлены съ одной стороны двѣ, крестомъ связанныя, стрѣлы. Послѣ, когда Новомосковскъ былъ сдѣланъ Уѣзднымъ городомъ, ему дали нынѣшній гербъ: щитъ раздѣленный пополамъ: въ верхней части, въ голубомъ полѣ, звѣзда, на половину вышедшая изъ за небосклона, а въ нижней, въ красномъ полѣ, половины изломанной сабли, на крестъ положенныя. * По толкованію Указа о гербѣ: звѣзда знаменовала возникающее благоденствіе страны, а переломленная сабля — прекращеніе кровавыхъ Запорожскихъ смутъ.

VI.

До постройки нынѣшняго Троицкаго собора, на мѣстѣ его, была уже здѣсь небольшая церковь, крытая сначала, скорѣе по обычаю, чѣмъ по недостатку, очеретомъ (камышомъ), и только подъ конецъ покрыли ее дранью: она пришла въ совершенную ветхость.

---

* Гербъ Новомосковска утвержденъ 29-го Іюля, 1811 года.

Задумали Запорожцы построить здѣсь храмъ Божій, достойный ихъ усердія и средствъ. Купили нѣсколько сосѣднихъ домовъ, сломали ихъ и ветхую церковь, открыли большую площадь и собрались къ титарю (ктитору), тоже Запорожцу, Якову Андреевичу Легкому, на совѣтъ: какъ приступить къ самой постройкѣ? Тутъ былъ самъ Начальникъ Самарской паланки съ паланочными старшинами, полковой Асаулъ и Подъасаулій, Писарь и Подписарій, Шафарь съ Самарскаго перевоза, былъ здѣшній Протопопъ, всѣ мѣстные Священники, нѣсколько почетныхъ парафіянъ (прихожанъ), содѣйствовавшихъ своими средствами постройкѣ. Приглашенъ былъ дать добрый совѣтъ и сосѣдъ, начальникъ Самарскаго монастыря, Іеромонахъ Іессей. Въ числѣ Священниковъ находился Иванъ Леонтьевичъ Ковалевскій, лицо замѣчательное. Еврей по происхожденію, родившійся въ Польской Украйнѣ, онъ въ малолѣтствѣ крещенъ былъ матерью, которая также приняла христіянство, служилъ въ Запорожьѣ Войсковымъ Старшиной, а потомъ поступилъ въ Попы. Послѣ, по упраздненіи Запорожья, лѣтъ черезъ двѣнадцать, числясь Настоятелемъ этого собора, онъ опредѣленъ былъ и въ образовавшійся тогда «Кошъ вѣрнаго войска Козаковъ,» и отличился въ истребленіи Принцемъ Нассау и Контръ-Адмираломъ Поль-Джонсономъ Турецкаго флота въ Днѣпровскомъ лиманѣ, подъ Очаковымъ; тутъ онъ, съ крестомъ въ рукахъ, на лодкѣ сандалкѣ, указывалъ впереди путь Козакамъ для сожженія непріятельскихъ кораблей.

Хаты въ Новоселицѣ въ то время были все мазанки, крытыя камышомъ, или соломой, съ узенькими поднимающимися окнами. Душно въ нихъ и тѣсно было, и по тому общество собралось въ саду, въ холодкѣ, подъ яблонями и тополями. Раскинуты были дорогіе Персидскіе и Турецкіе ковры, которыхъ много было добыто хозяиномъ во время оно въ походахъ, домашніе килемы и коцы, постлали повсти (войлоки), и все собраніе помѣстилось на нихъ: кто по Турецки, поджавъ ноги, обутыя въ сапьянцѣ, кто на боковеньку, опершись на локоть.

Порѣшивъ сообща дѣло о матеріялахъ, о деньгахъ, о томъ кому ѣхать за разрѣшеніемъ на постройку, Сердюкъ спросилъ, хлебнувъ изъ чашки душистой, дымящейся вареной (варенухи), самаго почетнаго угощенія въ Козацкомъ семействѣ:

— Кто жь намъ выстроитъ церковь?

— Кто? Я знаю кто, отвѣчалъ одинъ прихожанинъ.

— Ну, скажи!

— И скажу. Былъ я недавно въ Мерефѣ; * тамъ поставлена теперь славная церковь о пяти верхахъ: въ ясный день кресты на ней горятъ точно паникадила. Всякая Христіянская душа не нарадуется, глядя на нее.

— Кто жь ее строилъ?

— И то скажу. Строилъ ее человѣкъ изъ Водолагъ, а прозывается онъ Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ, рѣшило собраніе.

— Ѣздить нечего, я его привелъ.

— Вражій сыну, Якиме, крикнулъ онъ, улыбаясь, по направленію къ хатѣ, а иди сюды!

Явился Акимъ Погребнякъ, по преданію, рыжій, высокаго роста человѣкъ.

— Ты можешь построить намъ церковь? спрашивали батьки-старшины.

— Можу, дайте только силы да плоти, а поставить поставимъ.

— Какой тамъ тебѣ еще силы да плоти?

— Плотниковъ-работниковъ, да дерева, да кирпича, вѣстимо.

— Ну, гдѣ тебѣ такому «непоказному» выстроить Божій храмъ! подсмѣивались Запорожцы.

— Ей, батьки, выстрою, а коли хочете, я отъ намалюю, якую вамъ церковь поставлю.

— Ну, намалюй!

Онъ поднялъ щепочку, и тутъ же, на садовой дорожкѣ, на пѣскѣ, начертилъ фасадъ церкви съ пятью куполами.

Старшины посмотрѣли и сказали:

— Да, церковь намалёвана славная, да яково-то ты ее построишъ?

— Строить намъ не первина: я еще и не такую сумѣю выстроить: я зроблю церковь съ девятью башнями (куполами).

— Ну, Козаче, отозвался на это одинъ изъ батьковъ съ полнымъ недовѣріемъ: и я, якъ малымъ бувъ, то также брехавъ, тôлько мене не разъ кормили за те березовою кашей.

— Можу! отвѣчалъ, не смущаясь Погребнякъ: я вамъ ее и намалюю, коли хочете.

— А намалюй.

---

* Сéло въ Харьковской Губерніи.

— Тутъ буде бôльше малёванья. Гей, отецька дочко! (Богъ бы тебѣ любивъ!), обратился онъ къ прислуживавшей дѣвушкѣ въ красныхъ монистахъ съ вызолочённымъ дукачомъ (медальйономъ), и велѣлъ подать доску и мѣлу.

Дѣвчина принесла.

И Погребнякъ начертилъ на доскѣ церковь, но уже съ девятью куполами нынѣшняго Собора.

Запорожцы какъ увидѣли, такъ и ахнули: церковь имъ очень понравилась.

Одного они не могли понять сначала:

— Якъ же се? спрашивали благодѣтели храма у будущаго строителя: Ты говоришъ церковь буде на девять баштъ (башень)?

— Такъ тому буть, отвѣчалъ Погребнякъ.

— По три башты въ рядъ?

— Вѣрно, панóве.

— И со всѣхъ четырёхъ сторонъ по три?

— Эге!

— Такъ то выйдеть дванадцять?

— Нѣтъ, вельможны батьки, буде тôлько девять.

— Да считай же самъ: въ одинъ рядъ — три, въ другôй рядъ — три, въ третій и четвертый — по три, замѣтилъ Полковой Асаулъ,— стало дванадцять.

— Нѣтъ, будеть девять.

Запорожцы пожимали плечами въ неудоумѣньѣ.

Погребняку трудно было имъ объяснить расчетъ, на основаніи котораго ювелиръ одной Византійской Императрицы, дѣлая ей крестъ, умудрился украсть изъ него нѣсколько данныхъ ему драгоцѣнныхъ камней. Онъ ихъ расположилъ такъ, что число ихъ, считая по продольной и поперечной части креста, по каждой порознь, и потомъ сложенное вмѣстѣ, выходило вѣрно, а на самомъ дѣлѣ было меньше.

Здѣсь четвертая сторона церкви состояла изъ тѣхъ башень, которыя были уже въ счету въ первыхъ трехъ, отъ того, имѣя со всѣхъ четырехъ сторонъ въ каждой по три башни, церковь на дѣлѣ должна была имѣть только девять башень.

Когда это было понято, приступили къ торгу, рѣшили дѣло за 2,000 рублей и, какъ слѣдуетъ, заключили договоръ. Когда магарычъ запили, Погребнякъ сказалъ:

— Ну, батьки, я тежь хочу пожертвовать на храмъ Божій, — и изъ договорной цѣны уступилъ еще 24 рубля. Такимъ образомъ за «издѣлку» этой церкви, какъ значится въ аттестатѣ, заплачено 1,976 рублей. *

Новомосковскій Свято-Троицкій Соборъ закладывалъ Славянскій Архіепископъ, Евгеній Булгаръ, въ 1773 году. При закладкѣ присутствовали: Его Вельможность, Панъ Кошевой, и нѣкоторые Куренные Атаманы. Народу собралось—яблоку негдѣ было упасть.

Владыка по закладкѣ и закускѣ уѣхалъ, а Старшины угощаемы были потомъ изрядным обѣдомъ у одного изъ Ктиторовъ (ихъ было два) и забавляемы Архіерейскими пѣвчими.

Погребнякъ, какъ только совершилась закладка, вдругъ неожиданно исчезъ. На другой день его нѣтъ. Начали безпокоиться объ его отсутствіи. Ктиторъ, Павелъ Ѳедоровичъ Кореневскій, принявшій на себя надзоръ за работами, пашелъ на строеніи какого-то работника, который очищалъ тутъ разный хламъ.

— Где майстеръ? спросилъ его Ктиторъ.

— Не знаю.

— И ничого никому не говоривъ, уходячи?

— Нѣ.

— Да чи не куликае вонъ де?

— Не такой чоловѣкъ.

— А що?

---

* «Дань сей Государственной слободы Новыхъ Водолагъ жителю Акиму Погребняку въ томъ, что онъ, Погребнякъ, по данному намъ, ниже подписавшимся, отъ себя контракту, Азовской Губерніи, Екатеринославскаго Уѣзда, въ слободѣ Новоселовкѣ, деревянную о девяти верхахъ трехпрестольную церковь издѣлкою въ совершенное привелъ докончаніе, за которую издѣлку и договорную цѣну 1976 руб. всѣ полнымъ числомъ онъ, Погребнякъ, отъ насъ получилъ. А что онъ сію работу производилъ рачительно, добропорядочно и превосходно, въ томъ мы, на предбудущія времена, симъ его, Акима Погребняка, одобряя, подписываемся. 1779 г., Генваря 10 дня. Церкви Святотроицкой Самарской Протоіерей Григорій Порохня. Священникъ Степанъ Ивановъ. Іерей Василій Злѣпокъ. Священникъ Иванъ Ковалевскій. Священникъ Авраамій Сагайдаковскій. Священникъ Иванъ Михайловъ. Священникъ Іаковъ Соколовскій. Поручикъ и Смотритель Антонъ Головатый. Поручикъ Федоръ Легкоступъ. Полковой Старшина Лаврентій Миргородскій. Полковой Хорунжій Яковъ Нерода. Полковой Хорунжій Новоселовскій. Троицкой церкви Ктиторъ Іаковъ Легкій. Той же церкви Ктиторъ Павелъ Кореневскій.»

— Воды въ роть не вóзьме, покы служба святая не отóйде.

Ктиторъ не зналъ, что послѣ этого подумать и только сказалъ: Пришли ёго до мене, якъ вернется!

На третій, или на четвертый, день, только что Кореневскій хотѣлъ послѣ обѣда, по старосвѣтскому обычаю, уснуть, дверь въ его хатѣ скрипнула и вошелъ Погребнякъ.

Ктиторъ собирался его пожурить, и вдругъ, взглянувъ на него, съ удивленіемъ остановился на первомъ словѣ.

Лицо мастера точно преобразилось какою-то внутреннею красотой; глаза его особенно сіяли; на ввалившихся щекахъ выступалъ горячечный румянецъ. Не говоря «Добрыдень!» не извиняясь въ отсутствіи, подъ напряженіемъ одной думки, Погребнякъ сказалъ Ктитору отрывисто, какъ будто продолжая прерванный при торгѣ о постройкѣ церкви разговоръ:

— Ну, отъ вона вамъ, вся тута!... Ну отъ, берите её, глядите: со всѣхъ четырехъ бокóвъ по три башты, а всѣхъ таки девять, девять, а не дванадцять!

И подалъ Ктитору небольшую церковь.

Ктиторъ взялъ ее, поставилъ на столъ и съ изумленіемъ началъ разсматривать со всѣхъ сторонъ.

Модель была искусно сдѣлана изъ ситняг у (осоки).

— Бачу, бачу: Господь тобѣ помагай! Все воно такъ, якъ ты говоривъ, отвѣчалъ Ктиторъ, покачивая головой и поворачивая модель то въ ту, то въ другую, сторону. Где жъ ты отце бувъ, Божій чоловѣче? спросилъ его наконецъ Кореневскій, глядя на него почти съ умиленіемъ.

Тутъ открылось, что зодчій изнемогъ было подъ собственною мыслію, испугался, что не будетъ въ силахъ выстроить такую церковь, какую обѣщалъ, —и бѣжалъ.

— Бѣжавъ я, разсказывалъ онъ,—въ наши Самарскіи комыши, и залёгъ въ нихъ, а думка моя точно спорила сама съ собою: то выстрою, то не выстрою, безпрестанно вертѣлось у мене въ головѣ. Подумаю: доведу отъ, бачится, до самыхъ верхóвъ, а глядь — якій не будь сучокъ, або що таке, и остановляе; пройдешъ те и другее, дóйдешъ ажъ до крестóвъ — кроква въ кроквy (стропилы) не приходится: одно гне, друге пре, того й гляди, все полетить сторчака къ низу. Я зовсѣмъ ослабъ и душою и тѣломъ, змучився одною тóлько думкой, нибы Богъ знае якую великую тяжесть ворочавъ на плечахъ. Лежавъ я въ очеретахъ

въ палестинахъ нашого Миколаевского монастыря, и отъ, повернувся лицёмъ къ монастырю, де обрѣтается престолъ Святителя Миколая, помолився я Святому Миколаю, и такъ мôцно, якъ нибы зъ мене разомъ всѣ мои сокрушенья вылились въ одно мое прошенье и моленье. Посля молитвы я заснувъ, и спавъ, бачьця, довго: заснувъ же чуть не въ пору обѣда, а проспався—сонце було тôлько на два дуба надъ землею. И угодникъ Божій услыхавъ грѣшную мою молитву: во снѣ видѣвъ я Святого Миколая Чудотворця сѣдымъ старичкомъ, и Святый Миколай указовавъ менѣ, якъ строить оццей храмъ Божій, да такъ ясно, мовъ теперъ его бачу передъ очима. Я вставъ бодрый и свѣжій, и ну, якъ во снѣ указано менѣ було, плести оццю церковцю изъ оситнягу, и отъ и сплевъ, якъ бачите!

— Ну, нехай же тобѣ сила святая на пômощь! сказалъ Китôръ, все это выслушавъ. — Починаешъ ты, Господь съ тобою, якъ то незвычайно: дай же тобѣ, Боже, такъ и кончить!

Модель церкви сохранялась до 1812 года, но потомъ разсыпалась.

Запорожскому Кошу не суждено было видѣть Самарскаго Собора достроеннымъ: въ пору упраздненія Сѣчи, въ храмовой праздникъ этой церкви, въ Троицынъ день, 1775 года, церковь выведена была по окна, но кончена наружно въ то время, когда мѣстечко Новоселица уже сдѣлалось слободой Азовской Губерніи, Екатеринославскаго Уѣзда, Новоселовкой, какъ свидѣтельствуетъ аттестатъ, выданный Акиму Погребняку 10 го Генваря, 1779 года. Учрежденіе Азовской Губерніи было рѣшительнымъ шагомъ къ Запорожскому «не быть»; она явилась только съ небольшимъ за два мѣсяца до уничтоженія Сѣчи. * Освящена Троицкая церковь въ Новомосковскѣ въ 1781 году Протоіереемъ Собора, Григоріемъ Порохнею. На построеніе ея богатые вклады внесли, между прочимъ, Антонъ Васильевичъ Головатый и Чепига, бывшіе въ послѣдствіи въ Черноморскомъ войскѣ, Головатый — Судьей, а Чепига—вторымъ по времени Кошевымъ.

Украинскій зодчій не придалъ своему храму никакихъ наружныхъ украшеній: Новомосковскій Соборъ—простая плотничная работа; достоинство его въ необыкновенномъ изяществѣ общихъ очертаній и въ смѣлой до дерзости постановкѣ. Надо взглянуть на

* 14 Февраля, 1775 года.

эту церковь днемъ, идучи по Харьковской дорогѣ изъ Константинограда, съ той горы, откуда въ первый рззъ открывается Самарская долина и городъ Новомосковскъ: это что-то въ родѣ Смольнаго монастыря въ Петербургѣ, но гораздо своеобразнѣе. Надо посмотрѣть на нее въ ясный лѣтній вечеръ, съ берега Самари, когда нельзя распознать, изъ какого матеріяла она построена: тогда представится на горѣ въ розовомъ отблескѣ потухающей зари величественный, монументальный девятикупольный силуэтъ ея, который поспоритъ красотой рисунка со многими и знаменитыми и богатыми храмами.

VII.

Прошло сто лѣтъ со времени уничтоженія Запорожской Сѣчи. Время покрыло промахи въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ. Новороссійскій край, состоящій изъ земель Запорожья, пошелъ собственнымъ путемъ, зажилъ тѣми средствами, какія живутъ въ немъ самомъ, безъ внѣшнихъ пособій, но и безъ посторонникъ направленій, часто ставившихъ дѣятельность края на ложный путь. Преимущества нѣкоторыхъ городовъ и нѣкоторыхъ личностей, которыми искуственно развивались одна на счетъ упадка и оцѣпененіе другихъ, уничтожены, права уравнены, собственность окрѣпла, цѣтъ помѣхи въ ростѣ другъ другу, напротивъ, явилась помощь и не бывалая прежде добровольная сложная сила во взаимныхъ стремленіяхъ къ общей цѣли, въ совокупныхъ дѣйствіяхъ товариществъ, въ обоюдныхъ ручательствахъ братъ за брата, и хотя самопомощь и самоуправленіе идетъ еще, какъ вообще на Руси, пока робко, порой неумѣло, зачастую лѣниво, а иногда и злоупотребительно, но идетъ, но подвигается, время станетъ помощью добрымъ намѣреніямъ; опытъ научитъ, а единичные интересы, живущіе на честной почвѣ, изъ которыхъ слагается сумма выгодъ всего общества, постепенно выработаютъ въ себѣ наконецъ чутье, которое будетъ беречь ихъ отъ хищничества тѣхъ, которые хотятъ жить на чужой счетъ, во что бы то ни стало и какъ бы ни попало. Между тѣмъ и нынѣшнее быстрое всемірное общечеловѣческое развитіе стало служить въ частности и Южно-Русскому краю: то пространство между бывшей Запорожской Сѣчью и Крымомъ, которое самый борзый Татарскій, или Запорожскій, конь, во весь свой быстрый летъ, едва могъ пробѣжать только въ нѣсколько недѣль, теперь оно проѣзжается въ два, три дня по желѣзной дорогѣ, чѣмъ сберегается дорогое

время-капиталъ, какъ бы сокращается разстояніе, связываются новою связью крѣпче двѣ далекія мѣстности, и уже не для кровавыхъ распрей, а для мирнаго обмѣна труда.

Осталось нынѣ на мѣстѣ Запорожской Сѣчи нѣсколько могилъ съ бѣдными склепами славныхъ Запорожскихъ дѣятелей—Сѣрка, Гордѣенка и другихъ, впрочемъ, очень не многихъ: они разрушаются временемъ, размываются весеннимъ половодьемъ. Между прочимъ могила Запорожскаго батька, Ивана Дмитріевича Сѣрка, находится въ с. Копиловкѣ, въ огородѣ пахаря Маздая; надъ нею надпись: «Р. Б. (року Божого) АХП (1680) Мая Д (4) преставися рабъ Божій Иванъ Сѣрко Дмитровичъ, Атаманъ Кошевой Войска Запорожского Его Царского Пресвѣтлого Величества Ѳедора Алексѣевича. Память праведного съ похвалами.» Это былъ знаменитѣйшій изъ Запорожскихъ витязей, атамановавшій въ Сѣчи съ 1659, съ нѣкоторыми промежутками, по 1680 годъ,—воинъ беззавѣтной храбрости и высокой честности. По страшнымъ и всегда, какъ Божій громъ, неотразимымъ ударамъ его въ Тавридѣ, въ Турціи, Крымскіе Ханы прозвали Сѣрка волшебникомъ и Русскимъ шайтаномъ (чортомъ), но въ то же время и тѣ же Татары, въ собственныхъ спорахъ межъ собой, прибѣгали зачастую къ его суду, и какъ бывало Сѣрко рѣшитъ такъ тому и быть. Запорожцы цѣлые пять лѣтъ въ походахъ своихъ по суху и по морю возили гробъ его съ собою, имѣя повѣрье, что съ нимъ и съ мертвымъ не потерпятъ неудачи.

Бывшая при существованіи Сѣчи небольшая рѣчка Подпольная послѣ нихъ превратилась въ широкую рѣку Орлову. Во время Запорожья между Подпольной и Днѣпромъ красовался лугъ, по лугу разсѣяны были Запорожскія могилы, стояла капличка (часовенка), гдѣ теплилась неугасаемая лампадка. Тутъ росла дикая развѣсистая, высокая груша; на этой грушѣ свилъ себѣ гнѣздо большой орелъ, отъ чего это мѣсто назвали Орлово. Днѣпръ, въ одинъ изъ большихъ своихъ разливовъ, соединился съ Подпольною, и родилъ этакъ съ нею Орлову, сдѣлавшуюся большой самобытной рѣкой — притокомъ Днѣпра, — когда онъ ушелъ назадъ. И потекла, вобравши въ себя прежнюю Подпольную рѣчку и лугъ, рѣка Орлова по Запорожскимъ могиламъ, и цѣлые гробы Запорожскіе нерѣдко она вымываетъ изъ могилъ и уноситъ водою въ даль. Толкуя это по своему, мѣстные потомки Запорожцевъ, для которыхъ дѣла ихъ дѣдовъ обратились въ благоговѣйное воспоминаніе и облеклись въ сказаніе, говорятъ:

— Отъ се почули и въ землѣ наши лыцари-богатыри, що въ Туреччинѣ народу Христіянскому горе-горьке, бѣда-бѣдовая, що бусурманинъ рѣже ихъ за Дунаемъ, въ Натоліи, — и плывутъ воны къ нимъ на помочъ, на выручку, стать имъ «въ великой пригодѣ,» плывуть и мертвыи нибы й живыи, въ Днѣпро-Славуту, до свого Козацького батька; плывутъ въ своемъ нарядѣ боевомъ, неговорливые, молчаливые, и несетъ ихъ старый Днѣпро по прежнему знакомою дорогой, къ бывшему Кизикирменю (Бериславу), старому Очакову, замыкавшему двумя лиманами, Днѣпровымъ и Бугскимъ, путь въ Черное море, которое наши Козаки отпирали своими саблями; плывутъ они, какъ плыли когда-то съ своими батьками Гетьманами и Атаманами, «завзятыми», ни чѣмъ не донятыми,» «закаленными, ни кѣмъ не побѣжденными»—Богданкомъ, Сагайдачнымъ, Сулимою, Сѣркомъ и другими, когда они плыли на выручку Христіянъ въ самое гнѣздо Бусурманъ, когда, на своихъ однодеревкахъ и чайкахъ, громили Татарскіе и Турецкіе города, чинили расправу Кафѣ, торговавшей человѣческимъ невольничествомъ, прогуливались по полуденнымъ берегамъ Черноморья, на Босфорѣ, на Дунаѣ, запаливали люльки (закуривали трубки) Синопомъ, Трапезонтомъ, прижигали крылья Бѣлгороду, окуривали порохомъ Царьгородъ.

Прошли Запорожцы, перегорѣла современная къ нимъ страстность: отнесемся же къ нимъ въ наше время болѣе справедливо; взглянемъ на нихъ, въ пору паденія ихъ Сѣчи, не какъ на буйныхъ подданныхъ, а только какъ на упорныхъ собственниковъ того, что они считали своимъ правомъ. Снимемъ съ нихъ позорныя имена грабителей, пьяницъ, данныя, подъ вліяніемъ неудовольствія, за неподатливость видамъ общегосударственнаго Русскаго сплоченія и объединенія. Роль ихъ кончена; они сошли со сцены, дѣло ихъ сдѣлано, они послужили ему головою, и если ошибались, если спотыкались, то можетъ ли настоящее похвастаться передъ прошедшимъ въ безупречности своихъ дѣлъ и стремленій? Оцѣнимъ въ Запорожцахъ то, что было въ нихъ честнаго и великодушнаго. Исторія отдастъ имъ справедливость. Это были наши восточные рыцари, защитники Христіянства, и не самовольно они себя такъ называли: рыцарями, охранителями Христіянъ, признавали ихъ также и Польскіе, и Шведскіе Короли, въ томъ числѣ и великій Густавъ Адольфъ, и знаменитый Баторій, и Собіевскій; Папа, Венеція, вся Западная Европа, видѣли въ нихъ героевъ-борцовъ за вѣру Христову. Титулъ витязей Христіянства

давали имъ также и наши Московскіе Цари. Сама Императрица Екатерина II отдавала нѣсколько разъ справедливость ихъ доблестямъ. Кромѣ похвальныхъ ея грамоть всему Запорожскому войску,* гдѣ изъявлялась ему благодарность «за усердіе, мужество и храбрость,» гдѣ признавалось, что они этимъ мужествомъ и храбростью въ цѣломъ свѣтѣ славятся; кромѣ почетныхъ медалей Запорожскимъ Старшинамъ, отчеканенныхъ особо на имя каждаго изъ нихъ и другихъ наградъ, въ самомъ манифестѣ объ учрежденіи Сѣчи, исчисляя проступки Запорожцевъ, послужившіе въ глазахъ ея поводомъ къ уничтоженію Коша, она не могла скрыть и ихъ заслугъ: «Правда, писала она, въ послѣднюю войну они (Запорожцы) оказали отличные опыты мужества и храбрости», и оговорилась при этомъ тѣмъ, что Сѣчевики послѣ того начали совращаться съ истиннаго пути. Они были во всемъ своеобразны и самостоятельны, не хотѣли особенно блистать внѣшностью, по тому что презирали роскошь, любили простоту. Они устранили женщину изъ своего общества: въ ихъ суровой жизни она была бы помѣхой, боялись «обабиться, размякнуть» (изнѣжиться), но они уважали женщину. Для Запорожца не было въ мірѣ существа выше матери: «материнская молитва со дна моря спасаетъ,» цѣли они въ своихъ чудныхъ думахъ; въ ровень съ матерью они ставили только свою прекрасную Украину, и по тому въ Козацкихъ пѣсняхъ они постоянно въ сравненіяхъ отожествляются одна въ другой. Но удаляя женщину изъ Сѣчи, Запорожецъ не чуждался ея, когда былъ въ ея осѣдлости—въ Гетьманщинѣ, и вообще тамъ, гдѣ текла семейная Украинская жизнь. И въ ожесточеньѣ войны Запорожцы нерѣдко уважали женщину, даже во враждебномъ станѣ; въ самомъ ужасѣ боя допускали нейтральное поле милосердія. Разъ къ славному Запорожскому витязю, Сѣрку, въ самый разгаръ кровавыхъ стычекъ съ Татарами, прокралась бѣдная Татарка съ простодушной жалобой: Запорожцы, въ замѣнъ захвата Татарами Запорожскихъ лошадей, разорили Татарскій аулъ, угнали весь скотъ и увели вмѣстѣ съ нимъ и ея послѣднюю корову.

—Дѣти маленькія, говорила Татарка со слезами: кормиться нечѣмъ, помрутъ съ голоду. Отдай, бачка, коровку!

И Сѣрко отдалъ—не посмотрѣлъ и на гнѣвъ Гетьмана Самойловича за поблажки непріятелямъ за то, что откармливаетъ

* Грамоты 2 Декабря, 1771, и 28 Февраля, 1772 г.

на свою голову Бусурманскихъ подростковъ, которые, де, потомъ будутъ гибелью нашему же Христіянству.

Вотъ незабвенныя заслуги Запорожья.

Они отбили Новороссію отъ Татаръ и Турокъ, и, по крайней мѣрѣ, разшатали зубъ до легчайшей возможности выдрать его. Они начали эту борьбу собственными силами, первые сознали необходимость ея въ то время, когда Государства, къ которымъ они принадлежали (сперва Польша, потомъ Московія), «якшались» съ Крымцами и поочередно, то одно, то другое, наускивали ихъ, Москва на Польшу, Польша на Москву, расплачиваясь за это ясыромъ изъ своихъ же окраинъ, т. е., допускали Татаръ забирать оттуда плѣнниками въ рабство тысячи своихъ подданныхъ. Мало того, въ видахъ дружбы съ Крымцами и Оттоманами, и Польша и Москва, особенно первая, даже препятствовали Запорожцамъ въ ихъ дѣйствіяхъ, возводили ихъ походы на Магометанъ иногда въ государственныя преступленія и жестоко карали за то ихъ вождей, пока наконецъ сами не убѣдились въ неизбѣжности этой борьбы. Какъ вообще Днѣпровскіе Козаки, Запорожцы, составляя ихъ часть, и самую могучую ихъ часть, въ войнахъ Польши съ Магометанами, не разъ служили ей самою сильною помощью. Въ 1612 году Польша вела войну съ Турціей за Молдавскаго Господаря, Константина Могилу, вела неудачно: они поправили дѣло. Въ Хотинской битвѣ героями были Запорожцы, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ. При поворотѣ обстоятельствъ, когда Польша приняла несчастную систему притѣсненій и гоненій Малороссійскаго народа, Запорожье было очагомъ возстанія, и отстояло свою вѣру, народность и свободу, потомъ, вмѣстѣ со всѣмъ Днѣпровскимъ Козачествомъ, присоединясь къ Московскому Государству, дало рѣшительный перевѣсъ Россіи надъ Польшей, который до того находился въ обратномъ отношеніи, такъ что Польша овладѣла было уже Червоною Русью, Черною Русью, Бѣлою Русью, вообще Литовскою Русью, и едва не овладѣла и всею Великою Русью въ первыхъ годахъ XVII вѣка (въ Самозванщину). При соединеніи съ Козаками все это возвратилось Россіи съ лихвою. Запорожцы первые заселили кровавые пустыри Новороссійскіе своими заимками (колоніями), зимовниками, хуторами, селами, мѣстечками, которые обратились потомъ въ города; Запорожцы первые бросили многоплодное зерно въ благодатную здѣшнюю землю, которая питала своимъ хлѣбомъ всю Европу. Своею гребною флотиліей Запорожцы послужили первою основой знаменитому

Черноморскому флоту; посредствомъ своего посполитства (земледѣльческаго и торговопромышленнаго населенія) дали первые начатки Южно-Русскаго каботажнаго судоходства. Изъ Запорожцевъ вышли вольные матросы Чернаго моря; изъ Запорожцевъ образовалась община удалыхъ Днѣпровскихъ лоцмановъ. Въ поѣздку Екатерины въ Крымъ, эти лоцманы привели ее и весь путешествующій съ нею Дворъ въ изумленіе своею ловкостью, силой и отвагой, когда переводили ея флотилію черезъ страшные Днѣпровскіе пороги. Императрица главныхъ ихъ Атамановъ—отца и сына Полторацкихъ, наградила за это Офицерскими чинами. Наконецъ, положительно, хотя и помимо своего вѣдома, Запорожье было благодѣтельной причиной, что и то бытовое горе, которое называлось крѣпостничествомъ, нынѣ уничтоженное, постигло Малороссію, по крайней мѣрѣ, пятнадцатью годами позже, чѣмъ предполагалось: меньше пятнадцатью годами работы подневольной! больше пятнадцатью годами дорогой свободы—не шутка!... При существованіи Запорожской Сѣчи этого сдѣлать было не возможно. Уже при одной переписи въ Малороссіи по душамъ, безъ особаго сбора, произведенной въ предпослѣдній годъ Гетьманства Разумовскаго, и потомъ, по уничтоженіи самаго Гетьманства, многіе въ страхѣ, предчувствуя панщину, бѣжали оттуда на Запорожье: сельскій людъ-хлѣборобы въ Запорожьѣ значительно стали увеличиваться именно съ того времени; а будь введено тогда крѣпостничество въ Гетьманщинѣ, вся Малороссія перебѣжала бы, чего добраго, къ нимъ, въ благодатный Новороссійскій край.*

У нижняго Днѣпра, на многихъ земляхъ Запорожской Сѣчи, въ Алешкахъ, на Хортицѣ, подъ Екатеринославомъ, идутъ большими полосами цѣлыя горы сыпучихъ пѣсковъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ тамошніе жители называютъ кучугурами. На подвижной, измѣнчивой почвѣ этихъ песковъ долго не могло укорениться никакое растеніе: всякая былинка, кустъ, деревцо изъ непрочной земли безпрестанно вырывались налетными вѣтрами и сейчасъ же истреблялись. Но началъ рости на этихъ мѣстахъ шелюгъ (родъ очень красивой красной ивы),** и онъ цѣпкими своими корнями успѣлъ удержаться на такомъ непрочномъ грунтѣ, мало по малу укрѣпилъ его, и до того, что за шелюгомъ теперь установились здѣсь и укоренились и другіе посѣвы и поросли.

* Возраженіе Малороссійской Коллегіи Депутата ея, Политики.

** Salix rubra.

Черная для главной заслуги Запорожья, для водворенной ими здѣсь осѣдлости, сравненіе изъ природы, когда-то ихъ окружавшей, можно сказать: чѣмъ теперь служитъ для такихъ пѣсчаныхъ пространствъ этотъ красивый ивнякъ, тѣмъ былъ для Новороссійскаго края Запорожскій Козакъ. Запорожье послужило Южной Россіи закрѣпляющимъ измѣнчивую непостоянную землю шелюгомъ: оно первое тутъ успѣло укорениться на непрочной кочевой почвѣ, первое укрѣпило ее подъ собою для жизненныхъ посѣвовъ, и такимъ образомъ первое дало возможность для постояннаго на ней заселенія и гражданскаго развитія.

Закончимъ разсказъ о Запорожцахъ тѣмъ, чѣмъ заканчиваетъ старый кобзарь, когда поетъ дребезжащимъ голосомъ думу о послѣднемъ Запорожскомъ Кошевомъ Атаманѣ, славномъ Калнышѣ:

Летѣла бомба одъ Чорного моря, *
Да середъ Сѣчи упала:
Хочъ пропали Запорозцѝ,
Да не пропала ихъ слава. **

Григорій Надхинъ.

Гос. Нагор. ... Б-ка
№ .....
..... 193 г.

* Сѣчь уничтожена войсками, возвращавшимися отъ Чернаго моря изъ Крыма.

** Источники, на которыхъ этотъ разсказъ основанъ: Исторія Сѣчи, Скальковскаго. Разсказы Запорожца Коржа. Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн. Записки о Южной Россіи, Кулиша. Исторія Малороссіи, Маркевича. Богданъ Хмельницкій, Костомарова. Запорожская Старина, Срезневскаго. Русская Старина, Семевскаго. Украинскія пѣсни, Максимовича. Историческія пѣсни Малорусскаго народа, В. Антоновича и М. Драгоманова. Записки Графа Сегюра. Дополненъ разсказъ преданіями, лично добытыми сочинителемъ на мѣстѣ.